

*Любовь — это бездна
с монстрами*

В ОРЕОЛЕ ТЬМЫ

Дана Делон

Trendbooks

Дана Делон

В ореоле тьмы

«Издательство CLEVER»

2021

УДК 821.161.1
ББК 84(2Рос=Рус)6

Делон Д.

В ореоле тьмы / Д. Делон — «Издательство CLEVER»,
2021 — (Trendbooks)

ISBN 978-5-00154-615-3

Беренис – художница, о таланте которой никто не знает. Кроме него. Они видят одних и тех же чудовищ и воплощают их на бумаге. Оба считают свой талант проклятием. Они связаны запретными чувствами и кровавой историей о самоубийстве ее сестры Клэр. После трагедии Беренис чувствует, что тьма следует за ней по пятам. Девушка вынуждена бежать и скрываться. Но можно ли спрятаться от «самого Дьявола»?

УДК 821.161.1
ББК 84(2Рос=Рус)6

ISBN 978-5-00154-615-3

© Делон Д., 2021
© Издательство CLEVER, 2021

Содержание

Глава 1	6
Глава 2	8
Глава 3	16
Глава 4	19
Глава 5	26
Глава 6	30
Глава 7	36
Глава 8	40
Глава 9	47
Глава 10	50
Конец ознакомительного фрагмента.	57

Дана Делон

В ореоле тьмы

© Дана Делон, 2021
© ООО «Клевер-Медиа-Групп», 2023
© Alexey Kazantsev / Trevillion Images
© Magdalena Wasiczek / Trevillion Images

* * *

*Моему брату Давиду.
Ты самый лучший брат на всем белом свете.
Люблю тебя.*

*Whoever fights monsters should see to it that in the process he does not
become a monster. And if you gaze long enough into an abyss, the abyss will
gaze back into you.*

Friedrich Nietzsche¹

Плейлист

1. Ruelle – Madness
2. MILCK – Devil Devil
3. Sam Tinnesz, Yacht Money – Play with Fire
4. Halsey – Control
5. Sam Tinnesz, Zayde Wølf – Man or Monster
6. Natasha Blume – Black Sea
7. Ruelle – Monsters
8. Fleurie – Hurts like Hell
9. Tommee Profitt, Sam Tinnesz – Heart of the Darkness
10. Zayde Wølf – Heroes
11. Ruelle – War of Hearts
12. Sam Tinnesz, Silverberg – Wolves
13. Neoni – Never Say Die
14. Jetta – I'd Love to Change the World
15. PVRIS – Hallucinations
16. Kiiara, DeathbyRomy & PVRIS – Numb
17. WENS – Bones
18. Hurts – Mercy
19. Fleurie – Sirens

¹ Цитата немецкого философа Фридриха Ницше: «Тот, кто сражается с монстрами, должен следить за тем, чтобы самому не стать монстром. И если ты достаточно долго смотришь в бездну, бездна будет смотреть в тебя».

Глава 1

23 июля 2021 года вышел 136-й номер французского журнала *Société*², который побил все рекорды продаж печатной прессы. 6 августа вышел следующий номер этого издания и разошелся в течение трех часов. На eBay продают два экземпляра за 500 евро вместо 3,90 (цены в газетных киосках). Тема обоих выпусков – эксклюзивное расследование самого громкого криминального дела Франции – убийства членов семьи де Лагас из Парижа.

Мать Маринетт, дети Тома, Анн и их отец Жозеф были убиты между 7 и 10 марта 2009 года. Их тела были найдены закопанными в семейном саду 18 марта 2009 года. Главный подозреваемый – старший сын семейства Теодор де Лагас. Мальчишке было 16 лет, и он единственный, кто находился в доме... и остался в живых. В ходе дела было выяснено, что он не является родным сыном Жозефа де Лагаса. Его родной отец – Этьен Пиро, известный во Франции как банкир папы... а также скандальный насильник.

В 1993 году он был признан виновным в 46 изнасилованиях (секретарши, домработницы, официантки). Полиции удалось доказать, что Пиро насиловал женщин в течение последних 10 лет своей жизни. Умелый манипулятор, он всегда запугивал жертву. Маринетт Боне была дочкой его друга, и она не стала молчать. Как только девушка выдвинула обвинения, другие жертвы Этьена тоже стали рассказывать свои истории. Влиятельный банкир, мечтавший о политической карьере и посте президента, был лишен всего, что имел, и отправлен в тюрьму на пожизненное заключение. В 2007 году он умер в одиночной камере. Повесился. Кто передал ему веревку, как она оказалась в его камере – до сих пор неизвестно. В ходе расследования убийства семьи де Лагас выяснилось, что Маринетт в 1993 году забеременела от насильника, но скрыла это. Ей помог ее на тот момент парень Жозеф, признав себя отцом.

Как только общественность узнала, кто настоящий отец Теодора, в газетах, новостях и из уст в уста, шепотом и громко крича, передавались следующие слова: «Яблоко от яблони недалеко падает». На защиту Теодора неожиданно встал дядя Николя де Лагас. Младший брат Жозефа нанял племяннику лучшего адвоката и использовал все свои связи. Теодора де Лагаса признали невиновным, но все продолжали шептаться. Мальчика стали сравнивать с отцом-насильником. Всему свету внезапно открылось невероятное сходство между отцом и сыном. У обоих черные, словно вороново крыло, волосы и пронзительные ярко-голубые глаза. Отца называли воплощением дьявола, а сына прозвали антихристом. Одиннадцать лет самое загадочное убийство во Франции остается нераскрытым, зацепок почти нет. Зачем была убита французская семья? Какие тайны она хранила? Загадочным образом перед убийством все банковские счета семьи были опустошены и деньги перенаправлены на имя Теодора с отметкой, что он сможет воспользоваться ими после своего совершеннолетия. На работу Маринетт было отправлено письмо, что семья переезжает жить в Бразилию, все школьные счета детей были оплачены, а на почтовом ящике дома появилось объявление: «Все письма возвращать отправителям».

Семья де Лагас происходила из аристократического рода и была достаточно обеспеченной и властной. Поговаривали, что Жозеф работал на секретные организации. Существует несколько версий случившегося: суицид, секретная эксфильтрация³ семьи в США (найденные тела якобы были чужими), уход в монастырь и много других. Интересно, что в этом деле существует официальное расследование полиции и неофициальное – расследование журналистов. Журнал работал четыре года, но так и не смог раскрыть убийство. Оба номера посвящены теориям и догадкам.

² *Société* (фр. «общество») – известный французский журнал.

³ Эксфильтрация (от англ. exfiltration) – перемещение людей на безопасную территорию.

Один из журналистов выяснил, что Этьен Пиро, носивший на груди католический крест и бывавший на аудиенции у самого папы римского, поклонялся дьяволу и официально считался сатанистом. Разумеется, он тщательно скрывал это. Однако были найдены снимки из сатанинской церкви, на которых Этьен на коленях припадает губами к библии дьявола. «Проклятое дитя» – так многие начали шептаться о Теодоре де Лагасе после выхода журнала... Но отнюдь не только из-за рассказов о темном прошлом его биологического отца.

Десять страниц было посвящено моей сестре Клэр и ее самоубийству. Перед тем как убить себя, Клэр проткнула бедро и нарисовала на стене комнаты собственной кровью портрет Теодора де Лагаса. Журналисты добыли секретную фотографию ее последнего кровавого эскиза. Снимок занимал весь лист рядом с фотографией самого Тео, чтобы читатели могли увидеть, насколько талантливой была моя сестра и насколько точно она изобразила своего бывшего парня. «Он свел ее с ума, возможно, он ее проклинал, быть может, он сделал то же самое со своей семьей?» Вопросы сыпались из уст французов, а Теодор де Лагас за одну ночь стал вновь знаменитым.

Я смотрю на его снимок, который сделали папарацци несколько дней назад. На нем Тео значительно старше, чем на тех фотографиях, которыми пестрили страницы журнала *Société*. На недавно сделанном снимке Тео смотрит опасным взглядом, а от его строгой красоты пробирают мурашки. А сама статья посвящена открытию его нового ночного клуба. Шестого по счету. Этот выбивается из цепочки группы *VIP ROOM*. Абсолютно эксклюзивный и ни на что не похожий. Клуб называется «Потерянный рай», а у самого входа огромными красными неоновыми буквами написана цитата из творения Мильтона: «...it's better to reign in Hell, than serve in Heaven»⁴. В комментариях одни люди пишут, что у Тео отличное чувство юмора, другие называют его сумасшедшим, третьи хвалят бренд-менеджера и в восторге от продвижения и рекламы нового заведения, а есть те, кто поистине считает его исчадием ада. Я же смотрю на Тео и вспоминаю, как впервые увидела его. Мне было 11 лет, и я влюбилась в него с первого взгляда...

⁴ It's better to reign in Hell, than serve in Heaven (пер. с англ.: «Лучше царствовать в аду, чем прислуживать в раю») – цитата из произведения Мильтона «Потерянный рай».

Глава 2

*Le passé*⁵

Наша первая встреча случилась в Нормандии. В городке Довиль, в пасмурный, дождливый день. Я помню запах мокрой травы и свежесть, которая заполняла мои легкие. Мои дедушка и бабушка решили встретить старость в семейном шато, а мы с родителями навещали их каждый уик-энд. Я любила приезжать в этот замок. Он был неописуемо красивым. Двухэтажный кирпичный дом с двумя высокими башенками по бокам, огромными, высокими окнами, которые украшали кованые балконы. Зеленый плющ вился вдоль старинных кирпичных стен. Бабушка всегда отворяла парадные высокие двери. Белые, резные, деревянные. В тот день мамин⁶ протянула мне красные резиновые сапоги, желтый дождевик и сказала:

– Дождь не помеха. Иди побегай!

Я быстро оделась и выбежала во двор. Сколько же там было места! Детская площадка была мокрой, но я все равно скатилась с горки и ползала на турниках. Потом услышала, как приехала машина. Но не побежала здороваться. Я знала, что мы ждем Клэр. Моя старшая сестра никогда не играла вместе со мной. Разница в 9 лет казалась огромной пропастью между нами в то время. К тому же я была счастлива побыть одной, хотя немного скучала по своему лучшему другу Габриэлю. Его мама отправила погостить к дедушке, и он не смог приехать. Но я все равно была рада: в тот уик-энд мы не взяли с собой няню Софи, и я полностью принадлежала самой себе, а мне принадлежал весь двор... Цветущие розы в саду, гортензии, хрустящие мокрые листья, белочки, скачущие с ветки на ветку. Птички, которые так красиво пели вдали от людей, шума машин и всего остального.

Больше всего на свете меня манил старый домик на дереве. Этот домик построили еще для моего дедушки, когда он был ребенком. Потом его несколько раз ремонтировали, в нем играл и мой папа, и его братья. Даже Клэр и наши кузены. Но мне запрещалось забираться в него, особенно в плохую погоду. Лестница была совсем старой, родители несколько раз обсуждали ее замену, но у них никак не доходили до этого руки. А я, окрыленная свободой, будучи в невероятно приподнятом настроении, решила, что никто и не заметит, если я поднимусь и посмотрю с высоты на свои владения, сад и детскую площадку.

Я помню, как обхватила перила: они были насквозь мокрые, к руке прилип мох. Я ступила на первую ступеньку, она не скрипнула, но прогнулась под моим весом. Дом построили на крупном, высоком дубе. Чтобы добраться до него, надо было пересечь 35 ступенек. С правой стороны тянулись перила, с левой их не было. Я несколько лет подряд слышала разговоры о том, что перила необходимо поставить с двух сторон. Однажды тетя Элен сломала ногу, упав с лестницы, и даже получила сотрясение мозга. Это случилось почти 30 лет назад. Однако никто так и не удосужился установить там перила. Дети вырастали и больше не лазили. Родители занимались более важными вещами. Я помню, как считала про себя ступеньки, пока поднималась. Я была на 31-й, когда белочка внезапно перепрыгнула с ветки на крышу домика на дереве. От неожиданности я так испугалась, что поскользнулась и потеряла равновесие. Руки невольно поднялись вверх, тело потянуло вбок, спина откинулась назад, резиновый сапог слетел с ноги и полетел вниз... а я вслед за ним. Помню, как перехватило дыхание. Крик застыл где-то в горле, встал комом. Я зажмурила глаза, готовясь к падению. Но вдруг услышала мужской голос.

– Твою мать! – ошалело произнес он, и в следующую секунду меня поймал незнакомый мне парень.

⁵ Le passé (пер. с фр. – «прошлое») – обозначение глав – воспоминаний героини.

⁶ «Бабушка» (фр.).

Я, конечно, сбила его с ног, мы вместе повалились в грязь. Но он спас меня. Предотвратил мое падение на землю. Я повернула голову и встретилась взглядом с невероятными голубыми глазами. Я никогда в жизни не видела такой цвет. Они будто горели. Зрачок был расширен, и парень вновь громко выругался и зашипел от боли. Однако, увидев мое испуганное лицо, он тут же спросил:

– С тобой все в порядке?

Я молча продолжала разглядывать его. Ровный нос, как у статуи Давида, что высек Микеланджело. Полные красивые губы, над верхней и на щеках виднелась темная щетина.

– Ребенок, ты в порядке? – повторил он и быстрым взглядом осмотрел меня. – Что-то болит?

Он был таким красивым, что у меня перехватило дыхание. Черные волосы резко контрастировали с бледной кожей. Правой рукой он поймал мой подбородок и заглянул в глаза.

– Что болит? – Его голос звучал тихо, по-доброму.

Я покачала головой и шепотом произнесла:

– Ничего.

– Ну и хорошо. – Парень улыбнулся, и мое сердце бешено заколотилось в груди.

Я даже не поинтересовалась, как он здесь оказался, кто он и откуда прибыл, – настолько меня шокировало все случившееся.

– Кажется, я сломал локоть, – нахмурившись, неожиданно признался он.

Мои глаза расширились, и я резко подскочила, ведь все это время лежала на нем.

– Локоть?

Он снял куртку и аккуратно приподнял рукав черной кофты. Он делал это очень медленно, шипя и бормоча ругательства. Я смотрела во все глаза. Наконец он полностью обнажил руку, и я в ужасе уставилась на открытый перелом. Кость торчала из локтя, и все было в крови. Я даже боялась представить, насколько это больно. Он побледнел и нервно прикусил губу.

– Что ж, гадать не приходится... точно перелом.

Мне стало плохо, к горлу подступила желчь, и я еле добежала до кустов, прежде чем меня вырвало.

– Черт, прости, – слышалось за моей спиной.

Я вытерла тыльной стороной руки губы и недоуменно пробормотала:

– За что?

Он уже встал и держал поломанную левую руку правой, я видела, как на лбу у него выступил пот. Он вымученно улыбнулся.

– За продемонстрированное зрелище...

– Ты спас меня.

– Летела ты знатно, – попробовал он отшутиться.

– Ты спас меня, – повторила я. – Ты появился из ниоткуда и поймал меня.

Как-то перед сном бабушка рассказывала мне про ангелов-хранителей. Она говорила, что они всегда появляются из ниоткуда и помогают людям. У каждого из нас есть свой ангел. Свой хранитель.

– Ты как ангел-хранитель, – по-детски наивно сказала ему я, и он покачал головой, но не успел ничего ответить.

В сад выбежала моя сестра Клэр. Она мчалась со всех ног, шарф повис у нее на шее, а куртка была нараспашку.

– Тео! Тео! – кричала она. – Что с тобой случилось?

– Маленькое происшествие.

Сестра бросила на меня взгляд. Я стояла перед ней вся мокрая и в грязи. Мой резиновый сапог валялся прямо под лестницей, ведущей в домик. Красное пятно горело на фоне коричневой грязи.

– Ты забралась туда, да? Ты никогда никого не слушаешь! Сколько раз тебе говорили не лезть туда?! Особенно в дождь! – принялась орать Клэр во все горло.

– Не кричи на нее, – вмешался Тео.

– Ах, не кричи?! Да она надоела! Одиннадцать лет, но ее невозможно оставить одну! Вечно вляпывается в какое-нибудь дерьмо! Сколько раз тебе говорили?! – Клэр продолжала рвать глотку. Все ее лицо покраснело, карие глаза смотрели на меня с нескрываемой ненавистью. – Сколько раз?! Я тебя спрашиваю! Сколько чертовых раз?!

На крики Клэр выбежала вся наша семья. Папа быстро оценил ситуацию.

– Надо отвезти его в больницу, – тут же сказал он. – Не шевели рукой, держи ее крепко.

– Мама, это невозможно! Так дальше продолжаться не может! Накажи ее, слышишь, накажи ее! Смотри, что случилось с Тео!

– Беренис, иди к себе в комнату, – позвала бабушка, – с тобой самой все в порядке?

Я кивнула, в глазах стояли слезы.

– Иди переоденься и закинь все эти вещи в стирку, ладно? Я сейчас сделаю тебе горячий чай.

Я побежала в сторону дома, все еще слыша крик Клэр. Мама гладила ее по светлым волосам и пыталась успокоить.

– Тише, детка, мы сейчас же поедem в больницу. Все будет хорошо.

– Она невыносимая! Она просто НЕВЫНОСИМАЯ! Сколько раз вы говорили ей не лезть! – все еще кричала Клэр.

Я вбежала в дом и закрыла руками уши. Я была не в состоянии это слышать. Я знала, что она права. Что я невыносимая, непослушная и далее по списку. Но ненависть в ее взгляде... Ненависть в ее голосе. Это было слишком больно.

Я упала в свою постель, как была, в грязных вещах, и зажмурилась. Сломанный локоть Тео все еще стоял перед глазами, и мне было его так жаль... Тео держался, старался не показывать, насколько ему больно, от этого мне становилось еще хуже. Глубокое чувство вины гирями давило на грудную клетку. Я плакала и кричала в подушку. Такой меня нашла мама. Перепаханной в грязи, зареванной, на постели.

– Детка, как же ты так...

– Я не специально, – заикаясь и хлюпая соплями, сказала я.

– Именно поэтому несчастные случаи так и называются, Беренис. Когда случается то, чего совсем не ждешь, но этот случай – несчастный случай – может полностью разрушить твою жизнь. Ты могла остаться калекой до конца своих дней. В этот раз тебе очень повезло, но, прошу, не глупи так больше.

– Он поймал меня... появился из ниоткуда... будто он мой ангел-хранитель. Он может им быть? – глотая слезы, спросила я.

Мама рассмеялась и поволокла меня в ванную.

– Не уверена, крошка. Он просто хороший человек.

– А откуда он взялся?

– Его привела Клэр, мне кажется, она к нему неровно дышит, – раздевая меня, говорила мама. – Они вместе учатся в школе искусств.

Я позволила ей снять с меня одежду и поставить под струи душа. Вода медленно согревала меня, но слезы не прекращались.

– Клэр ненавидит меня, – глухо прошептала я.

– Это не так, она очень сильно испугалась, а также слишком эмоциональна, ты же знаешь.

Я замолчала, спорить с мамой не было никаких сил. Она не знала, что, когда дело касалось меня, Клэр всегда была эмоциональной. И злость всегда была основной эмоцией.

* * *

Тем вечером Тео сидел в нашей огромной столовой. Я любила эту комнату за уют. В ней была такая красивая огромная хрустальная люстра. Резные карнизы. Переливающиеся стены, словно из шелка, расписной потолок. По всему периметру было разбросано несметное количество безделушек. Красивые подсвечники, фарфоровые фигурки и, конечно, посуда в красивейшем серванте. Моя прабабушка коллекционировала сервизы, и они сохранились до наших дней. На стенах висели картины в позолоченных рамках. Антикварная мебель с резными ножками и подлокотниками. Мраморный камин, в котором горел огонь, согревая нас и добавляя уюта. Тео сидел с гипсом на руке. Он пробыл в больнице больше пяти часов... Я даже боялась представить, что именно делали врачи и как вставляли его торчащую кость.

– Я не знаю, что сделала бы с тобой, если бы он сломал кисть правой руки! – зло прошипела мне на ухо Клэр и больно ущипнула за бок. – Ты хоть понимаешь, насколько важна художнику его рабочая рука?! Ты понимаешь, что, когда он спасал тебя, он совсем не думал о себе? Ты, конечно, привыкла, что все всегда мчатся исполнять твои капризы. Но Тео не член нашей семьи. Ты осознаешь, что он сделал ради тебя?!

Я резко встала с дивана. Находиться рядом с ней не хотелось. Она душила меня своими словами. Ноги сами понесли меня к Тео. Он пил кофе и о чем-то увлеченно разговаривал с нашим дедушкой. Тихо, спокойно, неторопливо.

– Спасибо, – прохрипела я непослушным голосом.

В глазах стояли слезы. Мне было так стыдно перед ним.

– Брось. – Он тепло улыбнулся. – Это ерунда, полтора-два месяца, и я его сниму. – Он постучал по гипсу и легкомысленно пожал плечами.

Я кивнула, так как знала, что если скажу хоть слово, то просто-напросто разрыдаюсь. Он словно почувствовал мое настроение и решил подбодрить.

– Будешь пирожное? Садись, выпей чаю и поешь сладкого.

Дедушка тут же налил мне чай, бабушка подала пирожное. Все были спокойны и добры. Все, кроме Клэр, – она под села рядом и гневно прошептала мне на ухо:

– Может, кто-то и примет твои слезы за муки совести, но только не я. Я тебя слишком хорошо знаю, и ты ничтожество, Беренис.

Она произнесла это и мило улыбнулась всем присутствующим, словно проворковала мне на ухо слова о сестринской любви.

– Мами, подай и мне пирожное, пожалуйста, – как ни в чем не бывало вежливо попросила моя старшая сестра.

У меня же затряслись руки. Клэр с виду была ангелом, спустившимся с небес. Светлые волосы обрамляли милое личико с ямочками на щеках. Она словно олицетворяла свое имя⁷. Она была намного красивее меня, более нежная и женственная. От нее словно исходили тепло и уют. Однако в ее карих красивых глазах с высоко поднятыми ресницами я порой видела столько злости, гнева и ненависти, что мне становилось не по себе. За прекрасным фасадом и наивной улыбкой скрывался монстр.

В ту ночь меня укладывала мама. Я помню ее запах... Запах розы. Она всегда пользовалась духами с нотками розы во флаконе. Мама нежно гладила меня по волосам, я чувствовала ее любовь на кончиках пальцев, тепло и заботу, исходящую от нее.

– Ты нас всех сегодня очень напугала, Ниса, – прошептала она и поцеловала меня в лоб.

Ниса... Так меня называли только члены семьи. В детстве я не могла выговорить свое полное имя. И на вопрос, как меня зовут, счастливо отвечала: Ниса! А на вопрос, сколько

⁷ Имя Клэр (от фр. Claire) переводится как «Светлая».

мне лет, уверенно заявляла: 95! Этому научил меня папа, он считал, что это очень смешно. И правда, взрослые всегда хохотали, а я долго не могла понять причины. Родители обожали меня. Я знала это. Они всегда хотели большую семью, минимум пятеро детей. Но так получилось, что после рождения Клэр у мамы очень долгое время не получалось забеременеть. Лишь спустя 9 лет на свет появилась я, и все вокруг никак не могли нарадоваться.

– Я больше не буду, честно, – обнимая маму за хрупкие плечи и заглядывая в ее зеленые глаза, обещала ей я.

Мама была очень красивой женщиной, утонченной, хрупкой, нежной. Светлые волосы, милое лицо и самая любимая и потрясающая улыбка из всех. Я мечтала быть похожей на нее, когда вырасту. Но я была копией отца. Карие глаза, подчеркнутые широкими бровями, насыщенного каштанового цвета пышные, волнистые волосы и белая кожа, с выступающими синими венами. Я так завидовала Клэр, потому что ей достался мамин цвет волос... ее утонченность и женственность.

– Спи, малыш... – прошептала мама и вышла из моей спальни.

Сна не было ни в одном глазу. Несмотря на то что я набегалась днем, я все еще не могла успокоиться. Воспоминания о переломе Тео и о том, как кричала на меня Клэр, не давали уснуть. Помню, я запоздало подумала, что перед Клэр тоже стоит извиниться. Попытаться поговорить с ней, может, чем-то задобрить. Я мечтала о том, чтобы она перестала меня ненавидеть. Порой в голове составлялся список того, что нужно изменить в себе, чтобы не вызывать у нее злости и раздражения. Проблема заключалась в том, что она не ценила мои старания. Клэр их просто не замечала. Я ворочалась в постели с одного бока на другой. Простыни были мягкими и вкусно пахли, я спряталась под одеялом, старалась изо всех сил зажмурить глаза и уснуть, но ничего не получалось. Воздуха под одеялом не хватало, и я вынырнула наружу. Лунный свет заглядывал ко мне в комнату. А с ним и тени деревьев. Массивные ветви украсили потолок, а дуновение ветра заставляло их двигаться из стороны в сторону. Вокруг было очень тихо. Ни шума машин, ни людских разговоров. Умиротворяющее спокойствие спустилось на этот уголок земного шара с наступлением ночи.

Но в душе меня терзали страхи. Я закрывала глаза и видела кровь. Мне мерещилось, что кровь ручьем вытекала из Тео. Он бледнел и умирал прямо у нас во дворе, утопая в собственной крови. В моих фантазиях я бежала к нему со всех ног и, споткнувшись, попадала в темную лужу крови. Я тонула в ней вслед за ним. Кровь заливалась в рот и нос. Я чувствовала ее железный привкус и запах. С ужасом и бешено бьющимся сердцем открывала глаза, уставившись в потолок. Раньше он казался мне красивым, но не в ту зловещую ночь. Ветви деревьев пугали – казалось, они спускались по стенам, чтобы схватить меня и утащить за собой. Я все ждала, когда широкие и упругие розги подползут, обовьют мое тело в крепкой связке, закроют мне рот и нос и я не смогу ни дышать, ни позвать на помощь. Они приближались. Кисти рук вспотели, я вновь нырнула под одеяло, но было слишком темно. Тьма поглощала меня и наводила ужас. Мне мерещилось чужое громкое дыхание. Оно становилось все громче и громче.словно во тьме живет монстр и он приближается ко мне. Я вглядывалась в устрашающую темноту, закрывала уши и зажмурировала глаза, стараясь спрятаться. Но с закрытыми глазами я сталкивалась с Тео и ручьями крови, выливающимися из него, словно из водопада. Казалось, кто-то проклял меня в ту ночь, настолько ужас и страх вселились в мое сердце.

Не выдержав, я выбежала из комнаты, и ноги сами понесли меня к башне. В доме их было две. Папа шутил, что каждой из дочек досталась одна и что мы можем ждать в них своих принцев. Не знаю, почему я побежала туда, а не в родительскую спальню. Мне хотелось спрятаться, а в башне было мало места, и дверь закрывалась на защелку. Я часто там пряталась, когда мы играли с семьей в прятки, и чувствовала себя в безопасности. Никто никогда не находил меня там. Я неслась по винтовой лестнице. Было ощущение, что кто-то бежит вслед за мной, поэтому я прибавила скорость. Дыхание стало тяжелым, руки тряслись. Мое детское вообра-

жение разыгралось не на шутку, мне чудились огромного размера пауки в тенях и ползущие по ступенькам змеи. Я перескакивала их и неслась все быстрее и быстрее. Вбежала в башенку, непослушными руками закрыла дверь и сползла вниз по стенке. Пульс отдавался бешеным ритмом в ушах. Я обхватила дрожащими руками колени и положила на них голову. Моя розовая пижама была очень мягкой, и я потерлась об нее щекой, стараясь унять ужас в сердце. Но ничего не получилось. Я слышала отчетливые, громкие шаги на лестнице. И резко вскинула голову. Шаги не прекращались. Они прорезали тишину вокруг. Я застыла на месте и перестала дышать. На глазах выступили слезы, и подбородок затрясся в нервной дрожи, зубы стучали друг о друга, но я никак не могла это контролировать.

Ручку дернули, и этот звук оглушил меня. Резкий, громкий. Но дверь оставалась закрытой. Я отползла в самый дальний угол башни, не сводя глаз с двери... Ручку продолжали дергать. А затем я увидела, как защелка поднимается. Сама по себе поднимается в воздухе. Я зажмурилась, слезы покатались по щекам. От страха я прикусила нижнюю губу, стараясь подавить крик. Я прокусила ее так сильно, что ощутила вкус крови на кончике языка, но продолжала впиваться в нее зубами. Шаги приближались. Я слышала, что кто-то направляется прямо ко мне, уверенно ступая по полу. Не знаю, чего именно я ждала. Но мне казалось, что пришел мой конец. Понятия не имею, откуда такие мысли пронеслись у меня в голове, но я была так напугана. Так сильно... напугана.

– Беренис? – хрипло и неуверенно спросил он.

Я открыла глаза и встретила с изучающим взглядом самых прекрасных в мире глаз.

Меня продолжало трясти, слезы ручьем текли по щекам. Он сел на корточки и продолжал меня рассматривать.

– Что случилось, ребенок? Как ты тут оказалась?

Я не могла ответить, челюсть ходила ходуном. Тео взял меня за руку:

– Ты вся ледяная.

Он отпустил мою руку, и я натянула рукав пижамной кофты на кисть. Тео немного замешкался, а потом сел рядом, вплотную ко мне, наши плечи соприкоснулись. Он был спокоен. Если бы меня нашла Клэр, весь дом стоял бы на ушах от ее криков. Но Тео был абсолютно другим. В нем чувствовалась умиротворенность, спокойствие, надежность.

– Тени в моей комнате... они хотели утешить меня... – неожиданно для самой себя призналась я.

Мне хотелось поделиться с кем-то тем ужасом, который я испытала. Он внимательно осмотрел мое лицо, я не увидела в нем ни сомнений, ни удивления. Он ждал продолжения.

– Я попыталась спрятаться под одеялом, но там слишком темно... Я чувствовала, что под ним кто-то есть. А когда я закрывала глаза, то... видела... – Я споткнулась на предложении и шмыгнула носом.

– Что ты видела? – ровным тоном спросил он.

Минуту я молчала, но страх был настолько сильным, что мне нужно было его выпустить.

– Твою смерть, – шепотом пробормотала я, и слезы потекли по щекам. – Ты истекал кровью, и это была моя вина... кровь, красная, теплая, она была повсюду. Ты захлебывался в ней, и я вслед за тобой.

Я заплакала громче, тело продолжало трястись от ужаса, я следила за реакцией Тео. Ждала злости, насмешек – чего угодно, но ни один мускул не дрогнул на его лице.

– Ты впечатлительная, это из-за моего перелома, ребенок. Тебе всего лишь приснился кошмар, – бесстрастно сказал он и аккуратно обнял за плечи. – Такое иногда бывает.

– Я сошла с ума?

– Нет, Беренис. Всего лишь кошмар... я же сказал, такое иногда бывает.

– Честно? – заикаясь, спросила я.

– Да.

– И у тебя бывает?

Тень пробежала по его лицу. И только в тот момент я обратила внимание на темные круги у него под глазами.

– У всех бывает, – тихо-тихо повторил он.

Он продолжал обнимать меня и круговыми движениями гладить по спине. Это успокаивало. Я покосилась на гипс и повязку, которая держала руку. Ему наверняка было очень больно.

– Это временно, помнишь? Полтора месяца, и я его сниму.

Тогда я подумала: до чего же он добрый, как быстро простил меня и не смеялся над моей глупостью. Его тепло окутало меня, я перестала плакать, и дыхание пришло в норму. Рядом с ним исчезли и пауки, и ползущие змеи. Тени на стенах и потолках больше не пытались схватить меня, а просто украшали собой комнату.

– Мне кажется, нам стоит пойти в кровати, – сказал Тео, но я покачала головой.

– Я не хочу туда возвращаться...

– Может, тогда поспишь с Клэр? Ее спальня как раз напротив моей.

– Если я зайду посреди ночи к ней в комнату, она будет в бешенстве и своими криками разбудит всех... Лучше не стоит.

– Она твоя сестра, поэтому поймет и поможет. Поверь, это то, что делают близкие люди. Я горько усмехнулась.

– Возможно, так принято делать в твоей семье. Но в моей принято не трогать Клэр, если не хочешь услышать грубость.

Тео посмотрел на меня с печалью и грустно улыбнулся.

– У меня нет семьи, Беренис.

Я не знала, что на это ответить, шок отпечатался на моем лице.

– Но у тебя она есть, – продолжил он. – Так что не таи глупые обиды и делись с ними любовью. Поверь, это самое важное.

Его признание меня очень удивило, и я не смогла сдержать детское любопытство.

– А что случилось с твоей семьей?

Глаза Тео изменились, взгляд стал мрачным. В его чертах появилось что-то пугающее и опасное. Я не могла понять, как за одну секунду вся доброта, тепло и забота исчезли и на смену пришли злость, гнев и что-то очень грозное, опасное, злое. Инстинктивно мне захотелось выбраться из его объятий и оказаться как можно дальше. Я медленно отползла от него, и он проследил за мной. Тео не ответил на мой вопрос, а я начала вновь трястись от страха – настолько пугающе он выглядел.

– Я посплю с мамой! – на одном дыхании выпалила я и выбежала из комнаты.

Когда я проснулась, ни Клэр, ни Тео уже не было. Они вернулись в Париж. В гостевой комнате, в которой он останавливался, витал терпкий приятный запах, рассказывающий о том, что он там был. А на столе остался лист бумаги и черный грифель. Я подошла ближе и взяла лист в руки. На нем были изображены ползущие по стенам монстры, и, лишь присмотревшись, я поняла, что это тени деревьев. Те самые ветки, которые не давали мне уснуть. Было ощущение, что он перенес мой кошмар с особой тщательностью на бумагу. Он с точностью передал каждый изгиб ветвей, каждое щупальце, пропитав тени ужасом. У него был талант оживлять свои рисунки. В тот момент я задалась вопросом: может ли он оживлять их по-настоящему? Мне было 11 лет, и на какой-то краткий миг я действительно поверила, что именно Тео нарисовал для меня кошмар.

Я перевернула его лист и взяла в руки грифель. Рисование всегда принадлежало Клэр, я старалась прятать свои рисунки и никогда никому не показывать. Интуитивно я ощущала, что это ее территория и мне там будут не рады. Но сколько себя помню... я обожала рисовать. Это было моей отдушиной. Возможностью выплеснуть эмоции и рассказать о чувствах, используя не слова, а лишь линии и цвета. Оживить радость и боль, грусть, печаль и воодушевление. В

тот день я заперла гостевую спальню и провела весь день за столом, на котором Тео изображал ночью мой кошмар. Я рисовала Тео на оставленном им листе бумаги и его грифелем. Рисовала глаза, каждую крапинку и черточку в них. А после рот, из которого вытекало что-то... Рисунок был черно-белым. И лишь мое воображение знало, что из его рта вытекает кровь. Алая, теплая и до ужаса липкая.

Глава 3

*Le présent*⁸

Мне иногда кажется, что запах краски и ацетона вьелся мне в кожу. Проник в каждую пору и клетку. Мне иногда кажется, что он преследует меня специально. Словно моя несуществующая совесть не дает мне покоя ни на минуту. Не дает забыть, чем именно я занимаюсь, как зарабатываю деньги. Этот запах – словно кандалы на запястьях. Напоминает мне, как именно я продала свою душу. Договориться с совестью легче, чем кажется. Но вот с гордостью... практически невозможно. Я оглядываю картину, которая стоит передо мной на мольберте. Айвазовский бы гордился. Бушующее море темно-синего, почти черного цвета. Волны закручены и пенятся. Контраст цветов и эмоций. Море неистово злится. Соппротивление стихии и борьба. Истинное творение романтизма, созданное, чтобы вызывать эмоции, чувства и мурашки по телу.

Отхожу подальше и продолжаю изучать собственную работу с чужой подписью. Интересно, что сказал бы русский художник, увидев свою несуществующую картину? Разозлился бы? Или же почувствовал бы гордость, что некая молодая француженка планирует заработать несколько сотен тысяч евро на его имени? Иван Константинович, будьте любезны, не обижайтесь! Я бы очень хотела зарабатывать на своем. Но в искусстве умершие люди ценятся выше живущих. Уверена, будучи художником, вы понимаете, что я имею в виду.

– Беренис, надеюсь, ты закончила! Нам ее еще надо состарить... время поджидает. – В студию врывается Джош и недовольно поглядывает на меня, маленький, толстенький, краснолицый и жадный. – Сколько можно? Ты должна была сдать мне ее три дня назад.

– В творчестве не бывает точных сроков, – бормочу я и вытираю руки грязной тряпкой. – Как тебе?

Вопрос не по адресу. Мелкие глаза Джоша пробегают по картине равнодушно и без всякого интереса. Бессердечный ублюдок.

– Надеюсь, за нее будут торги такие же сногшибательные, как и за прошлую твою работу. Это все, что интересует его. Деньги.

– За эту отдадут больше... Это Айвазовский.

– Да, только при условии, что у тебя получился Айвазовский.

Из прохода доносится хриплый старческий голос. И в комнату медленным шагом ступает Огюст. Каблуки мужских туфель мелодично постукивают по скрипучему старому паркету, а по мне пробегает нервная дрожь. В отличие от Джоша, Огюст – истинный ценитель. Седые волосы зачесаны назад, он неторопливо достает из кармана пиджака футляр для очков и открывает его.

– Каков был эскиз? – С его губ слетает вопрос.

– Посмотришь на рентгене...

Он ухмыляется, вокруг его глаз собираются глубокие морщинки.

– Беренис, я надеюсь, что увижу там четкую линию горизонта.

– И не только.

Огюст сдержанно кивает, надевает на нос очки в стильной круглой оправе и минуту разглядывает мою работу. Не произнося ни слова, не шевелясь. Замерев на месте. Лишь глаза бегают по полотну. Я впиваюсь взглядом в его лицо, стараюсь не пропустить ни единой эмоции. Я работала над этой картиной последние три месяца. По всей студии раскиданы наброски. На столах книги по истории искусства, в частности огромные тома, посвященные Айвазовскому. Я просмотрела все его работы. Я изучила его наброски, ранние пробы... каждую деталь его картин. Выучила наизусть почерк художника, который мне предстояло повторить.

⁸ Le présent (пер. с фр. – «настоящее») – обозначение глав в настоящем времени.

Было ощущение, что я гонюсь за призраком. Пытаюсь уловить его настроение. Эмоции, жизнь. Как именно он держал грифель, под каким уклоном создавал набросок. Какой линией выводил горизонт – первое, что он писал на полотне. Он никогда не рисовал с натуры, никогда не смотрел на стихию в действии, воссоздавая ее на бумаге, – ведь она изменчива. Айвазовский писал воображаемое море, взятое из своей фантазии. Вкладывал в него бурю собственных эмоций. Мне надо было прочувствовать то же, что и он. Ощутить отголоски его эмоций в собственном сердце. Я не просто подделываю картины или рисую их по образцу художника. Я проникаю в разум и чувства человека, которого уже нет на земле.

– Отличная работа, Беренис. Ты, как всегда, бесподобна, – выносит свой вердикт Огюст.

– Я всего лишь твоя ученица, – подаю я голос.

Чувствую себя подавленной, истощенной, опустошенной. Так всегда. После завершения работы я словно тень. Тень художника, в которого перевоплотилась. Бездушная и бесформенная. Тень прошлого без будущего и настоящего.

– Тебе стоит отдохнуть... У меня будет к тебе новое задание.

Я отрешенно киваю. Единственное, о чем я мечтаю, – так это избавиться от Огюста. Обрести свободу. Вдохнуть полной грудью свежий воздух без примеси ацетона и красок. Убежать как можно дальше от этой студии. Опускаю голову, но старческие серые глаза внимательно меня разглядывают. Огюст будто читает мои мысли.

– Ты невероятно талантливая, ты же знаешь? – Он пытается разбудить во мне гордость за себя.

Но я не горжусь собой. Я испытываю отвращение. Огюст продолжает изучать меня. Он отлично чувствует людей – умелый манипулятор, опытный аферист.

– Отдам тебе тридцать процентов выручки, – улыбаясь, говорит он, – считай, мотивация, чтобы быстрее сесть за новую работу.

Он пытается меня купить... Мы оба знаем, что у меня достаточно денег, чтобы начать жизнь с чистого листа. Мы также оба знаем, что он никогда не позволит мне уйти. Огюст смотрит на меня с блеском в глазах. Гордый индюк поглядывает на собственное творение. Его творение – я. Работа всей его жизни. И, что немаловажно, золотая жила. Он скорее пустит мне пулю в лоб, чем позволит уйти.

– Когда аукцион? – Я отворачиваюсь, стараюсь спрятаться от его всевидящего ока.

– Через месяц... И ты приглашена. Надень красивое платье и те жемчужные бусы, что я подарил тебе. Посмотришь на кучку идиотов, которые будут биться за твою картину! – Он кладет конверт с приглашением на стол около меня. Он знает, что я не могу ему отказать. Буду вынуждена пойти.

Огюст подходит ближе и нежно, по-отцовски целует меня в лоб. Тяжелые мужские руки опускаются мне на плечи. Я чувствую весь его гнет.

– Ты была послана мне свыше, – шепчет он...

Он слишком близко. Мне страшно. Мне чертовски страшно. И я не могу подавить нервную дрожь, которая прошивает все тело. Меня спасает телефонный звонок. Огюст бросает взгляд на экран, и его губы расплываются в самодовольной улыбке. Он отвечает.

– Я уже было подумал искать нового клиента... – Он выслушивает собеседника и, хмыкнув, говорит: – Проходи, охранник пропустит.

Он жестом подзывает Джоша и указывает пальцем на мою картину. Нет, не мою. Новое творение Айвазовского. Ей обязательно придумают легенду и название. В этом Огюст спец. Джош аккуратно поднимает холст и покидает комнату через черный ход. Видимо, гостю не обязательно видеть новое творение величайшего мариниста всех времен. Особенно в несостаренном варианте.

– Прошел? Все, жду тебя.

Огюст кладет трубку и одаривает меня теплой улыбкой. Только я знаю, что она насквозь фальшивая. Как и весь он.

– Можешь идти, Беренис. И начни собирать информацию о Ренуаре. Думаю, он будет нашим следующим творением.

Ренуар – один из моих самых любимых художников. И Огюсту это известно. В конце концов, именно он научил меня очень многому. Нанизал на мои скудные знания целый ворох всего.

– Погуляй по музею Орсе, вдохновись. Я знаю, он тебе нравится.

– Так и сделаю, – глухо шепчу я.

– Отлично, дорогая. Отдыхай, развлекайся, через месяц жду тебя на аукционе.

Последнее предложение звучит как предупреждение. Тихо и зловеще. Слов не нужно, за всем этим скрывается: «Только попробуй исчезнуть – убью, закопаю, уничтожу». Я нервно сглатываю. Он видит мой страх, и по его лицу расплывается довольная улыбка. Его радует, что я осознала свое жалкое положение.

– Буду счастлив тебя видеть, мой ангелочек... – ласково добавляет он.

Я ничего не отвечаю, иду в сторону своих вещей, боком задеваю кипу листов – собственных набросков.

– Твою мать, – вырывается у меня.

Наклоняюсь, чтобы устранить беспорядок. Волосы мешают, лезут в глаза и закрывают лицо, но я не убираю их. Напротив, так приятно хоть на мгновение спрятаться за ними от Огюста и его пронизывающего насквозь взгляда. Быстрыми движениями я собираю свои эскизы. Неожиданно передо мной появляется пара дорогих мужских черных туфель.

– Я помогу вам, мадемуазель, – произносит их обладатель и наклоняется.

Отворачиваюсь от нежеланного гостя. Быть учтивой и проявлять воспитанность абсолютно не хочется. Продолжаю молча собирать листы.

– Играешь в джентльмена, – со смешком язвит Огюст. – Жду тебя в моем кабинете.

Цоканье каблучков Огюста становится едва уловимым, хлопок двери – и его нет в комнате. Мне становится легче дышать. Уши словно открываются, вакуум спадает.

– Мадемуазель, вот, возьмите. – Незнакомец протягивает руку с моими набросками.

Красивая мужская кисть с длинными пальцами и выпирающими венами. Я замираю и перестаю дышать. Мне мерещится. Должно быть, мне точно мерещится. Моргаю несколько раз. Но иллюзия не пропадает. Я помню эти вены, помню пальцы. Столько раз, вырисовывая эскизы, воспроизводила их до малейших деталей.

– Мадемуазель, – озадаченно повторяет он и заглядывает мне в лицо.

Он смотрит на меня – я смотрю на него. Глаза цвета неба впиваются в мои янтарные.

– Ниса... – ошеломленно шепчет он.

Глава 4

Le passé

Мне было тринадцать лет, а ему двадцать два года. Я носила белые, под цвет зубов, брекеты, весь мой лоб был покрыт красными прыщами, и я решила спрятать их под челкой, которая мне катастрофически не шла. Было Рождество, и вся моя семья собралась в альпийском французском городке Межев. За окном хлопьями валил снег, предпраздничная суэта витала в стенах нашего деревянного шале. Тео приехал вместе с Клэр. Мы редко с ней виделись. С тех пор как в двадцать лет она переехала в свою студию в Париже, мы словно не жили в одном городе и виделись лишь изредка на праздниках. Мама очень обижалась на нее, пыталась навязать традицию семейных ужинов, но Клэр их всегда пропускала. Ни разговоры, ни упреки, ни угрозы – на нее ничего не действовало. Она просто-напросто делала что хотела, не считаясь с чувствами других. Чуть что, она всегда говорила, что у родителей есть я и что им никто больше не нужен. Мне кажется, подсознательно она действительно так думала. Клэр никак не могла простить мне мое появление в нашей семье и то внимание, которое я получала.

В то Рождество Клэр решила не оставаться в семейном шале. Она сняла номер в отеле *Sœur de Megève*, прямо в центре маленького городишки. И гордо об этом объявила, чем в очередной раз разбила сердце маме. Если бы не Тео, возможно, мама бы устроила скандал по этому поводу, но в его присутствии ей было некомфортно кричать на старшую дочь, которая была уже достаточно взрослой, чтобы самой решать, где именно она будет спать. Я же спряталась от Тео на втором этаже и смотрела вниз сквозь перила лестницы. Он выглядел иначе. Волосы стали короче, щетина гуще. Болезненная бледность покинула его лицо, оставив на месте лишь аристократическую фарфоровую белизну. Полные губы алели от холода. Тео снял куртку, и я заметила, что угловатость его фигуры пропала. Черная водолазка обтягивала грудь и руки с выступающими мышцами. Твердым рукопожатием Тео поприветствовал моего отца, обнял маму и указал на несколько пакетов у входа.

– Я купил кое-что из еды и подарок, куда отнести?

Мама растаяла от такого внимания. Счастливо улыбнулась ему и со словами «не стоило» поволокла его на кухню. Я же убежала к себе в комнату и заперла дверь на ключ. Сердце у меня бешено колотилось. Мне очень нравился Тео, нравилось внимательно разглядывать его... изучать черты лица с неким необъяснимым волнением. Но вместе с тем я безумно его боялась. Тео вводил меня в ступор. Я не понимала, откуда во мне просыпается трепет при виде него. А также ужас. Я не знала, какой он на самом деле. Он тот парень, что бросился мне на помощь, не пожалев себя. Однако к своим тринадцати годам я уже умела пользоваться интернетом настолько, чтобы найти историю смерти его родителей. Его безумный взгляд, которым он одарил меня той страшной ночью, врезался мне в память и преследовал иногда в кошмарах. От одного только воспоминания я покрывалась мурашками, и холодок пробегал вдоль позвоночника.

Я забралась на постель с ногами и вытащила альбом из-под подушки. Альбом был хранителем моих секретов, моих эмоций, моего страха и восхищения Теодором де Лагасом. Я взяла в руки простой карандаш и начала рисовать его. У меня было свыше сорока набросков Тео за последние два года. На всех он выглядел старой версией себя, на новом листе я изображала его повзрослевшим. У меня получалось неидеально, ведь я была самоучкой. Училась рисовать по YouTube и бесплатным мастер-классам, которые находила на просторах интернета. Наброски были кривыми, но все же похожими. И, самое главное, пока я рисовала его, чувство страха покидало меня. Оставались лишь трепет и волнение. Карандаш порой подрагивал в руке от силы этих эмоций.

Когда настало время ужина, папа постучал в мою дверь.

– Ниса, спускайся, сколько можно там сидеть...

– Бегу! – крикнула я в ответ и спрятала альбом с карандашом под подушку.

Я знала, что не смогу пропустить рождественский ужин. Поэтому, нацепив праздничный свитер, который связала маме, я отправилась вниз. Дома все было так нарядно! В камине трещали бревна, языки пламени бросали тени на деревянные стены и потолок, украшенный большими балками. Маленькие окошки обрамляли белые короткие занавески, поверх которых были красиво уложены бордовые шторы в цветочек. На большом деревянном столе сверкала белая скатерть. Красивые рождественские красные тарелки с зелеными узорами украшали его вместе с салями, фондю и корзиной с кусочками свежего хлеба. Остальную еду потихоньку подносили.

– Вам нужна помощь? – спросила я отца.

Он открывал бутылку вина, а дядя Анри помешивал фондю.

– Нет, детка. Все уже почти готово, но, пожалуйста, не исчезай в своей комнате.

– Не буду, – пробормотала я и подошла к папи⁹ и маме.

Они сидели на диване и смотрели на свою прекрасную семью, крепко держась за руки.

– Ниса, моя хорошая, ты куда пропала?

– Я уснула, – с улыбкой соврала я.

– Опять ночью в своем интернете пропадала? – хмыкнул папи.

– Нет, просто была бессонница, – пожав плечами, ответила я.

– Напомни мне сегодня приготовить тебе тизан¹⁰ перед сном. У меня есть специальные травы – спать будешь как малютка, – сообщила маме.

Я кивнула и отошла от них. Тетя Аннабель убаюкивала своего сына, моего племянника, сидя в кресле-качалке. Мои многочисленные кузены носились по дому, толкая всех вокруг и громко смеясь.

– Тише, не видите, что она пытается его усыпить? – шикнула я.

Мама бросила на меня веселый взгляд. Она обняла Аннабель за плечи и заглянула в личико ее сынишки. На ее лице было столько любви.

– Какой крохотный... я помню, как убаюкивала Нису, сидя в этом кресле. От нее пахло молоком, и я никак не могла надышаться этим запахом.

Она вновь бросила на меня взгляд, и вся ее материнская необъятная любовь окутала меня даже сквозь расстояние между нами. Одного взгляда хватило, чтобы я почувствовала всю ее нежность и заботу. Снег за окном падал хлопьями, красивая елка в углу была высокой и пышной и так невероятно пахла. Ее кончик упирался прямо в потолок, а шары переливались в свете камина. Я молча рассматривала эти блики, разрешая праздничной атмосфере проникнуть в сердце. Под елкой уже были сложены горы подарков. Я была самой младшей, не считая новорожденного сына Аннабель, и уж точно знала, кто приносит в этот праздник подарки. Поэтому традиция открывать их вечером и показывать друг другу, громко смеясь, была моей самой любимой.

Семья. Дом. Уют. Я так любила чувствовать это. У всех на лицах сверкали улыбки. Все громко смеялись, обнимались, шутили и выпивали. Радость и счастье – вот что такое Рождество. А затем мой взгляд упал на Клэр. Она очень похудела, осунулась. Некогда светлые волосы превратились в угольно-черные и были небрежно собраны в пучок. На ней единственной не было рождественского свитера. Моя сестра нервно грызла ноготь большого пальца, глядя в окно, но мне казалось, она смотрит куда-то вдаль. Я подошла к ней, желая обнять и сказать, что я скучаю. Но, увидев меня, она нахмурилась, так что я остановилась в двух шагах от нее и неловко улыбнулась.

– С наступающим, – пробормотала я, и она кивнула.

⁹ «Дедушка» (фр.).

¹⁰ Травяной чай без химических добавок.

Минуту я молчала, не зная, что сказать.

– Ты не надела бабушкин свитер?

– Пусть сама носит свои идиотские свитера, – пробурчала Клэр и резко вышла из комнаты.

«Вот так поговорили», – пронеслось у меня в голове. Ко мне подошел папа и приобнял за плечи.

– У нее сейчас сложный период в жизни, – шепнул он.

Я хотела спросить, что именно случилось, но не считала себя достойной знать. Будучи младшей, ты никогда не влезашь во взрослые проблемы и разговоры. Напротив, переключаясь на плечи старших еще и свои. Папа словно почувствовал мою неуверенность и ободряюще произнес:

– Не переживай, Тео присмотрит за ней.

Я коротко кивнула. Однажды я подслушала разговор родителей, как раз после знакомства с Тео. Они обсуждали «бедного мальчика» и не могли взять в толк, каким образом убийство всей его семьи до сих пор не раскрыто. Тео очень нравился моим родителям. Еще бы: он спас одну дочь и присматривал за второй. Я оглядела комнату, но его нигде не было. Острое чувство разочарования настигло меня врасплох.

– А где Тео? – тихо спросила я папу.

Неожиданно меня ущипнули со спины за бока, и я завизжала во все горло. Папа громко фыркнул, а позади меня послышался довольный мужской раскатистый смех. Я резко повернулась и встретилась с теми самыми сверкающими голубыми глазами, о которых грезил почти каждую ночь.

– Ну ты и выросла, ребенок! – весело заявил Тео, и я была готова взлететь на десятое небо от счастья и волнения, что заполнили мое сердце.

– Ты тоже подросток, взросляк! – хитро сверкнув глазами, ответила я, и он взлохматил мои волосы.

Я изо всех сил старалась не подать виду, насколько сильно рада его видеть. Щеки запылали, и я смущенно улыбнулась и попыталась скрыть это за волосами.

– Как здесь жарко! – Мой голос натянуто звенел.

– Да, пожалуй, приоткрою окна, – сказал папа и отошел.

– Ну как дела? – спросил Тео. – Ты реально выросла за два года!

– Хорошо ела, – отшутилась я.

У меня был вопрос к нему, и я умирала от страха, пытаясь набраться смелости и задать его.

– У тебя все хорошо? – изучая мое лицо, спросил он, и тогда я, сделав глубокий вдох, выпалила:

– Как три года назад ты открыл башенку, в которой... – я замялась, – в которой я пряталась? Я закрыла ее.

Он бросил на меня веселый взгляд, моя сбивчивая речь отчего-то развеселила его.

– Думаешь, я использовал волшебство? – фыркнув, сказал он.

Я резко покачала головой и, густо покраснев, бросила:

– Магии не существует.

– Ты в этом уверена? – продолжил он издеваться, а я демонстративно закатила глаза.

На самом деле в нем было что-то волшебное, и, если бы вдруг он сказал, что владеет магией, я бы наивно поверила ему.

– Банковской картой, – наконец отозвался он, его глаза весело сверкали, – я поднял защелку карточкой.

– А-а-а-а-а, – протянула я. – Ну да...

От дальнейшего позора меня спас возглас.

– Ужин! Все за стол! – звонко прокричал дядя Анри.

– Пошли, сяду вместе с тобой. А то рядом с твоей семьей чувствую себя немного не в своей тарелке, – меняя тему, произнес Тео.

– Да, конечно. – Я так нервничала рядом с ним, у меня вспотели ладони, и я неуклюже обтерла их о джинсы.

– Только позову твою сестру, – тихо бросил он и побежал на второй этаж за Клэр.

До этого момента я никогда не испытывала ревности или чувства зависти. Родители воспитывали меня с заботой и вниманием. У меня всегда было все, что мне нужно, и даже больше. Я никогда не чувствовала нехватку чего-либо. Но в тот момент на меня снизошло: Тео – парень моей сестры Клэр. Сестры, которая меня ненавидела. Сестры, которую я боялась, и иногда задумывалась, люблю ли ее по-настоящему или же это привычка – испытывать связь с кем-то, кто является родным по крови. Я стояла и смотрела на пустую лестницу, по которой минуту назад Тео побежал вслед за Клэр. И не могла понять... почему она, почему он выбрал ее.

– Детка, садись, – позвала меня мам.

Я моргнула несколько раз и на ватных ногах прошла к столу. Горький вкус ревности разлился по всему телу. Но я душила его и не позволяла ему взять верх. Понимала, что это опасная эмоция.

Они спустились через пять минут. Он поддерживал ее и что-то шептал ей на ухо. Я отвернулась. Опустила взгляд на тарелку перед собой и считала количество елочных игрушек, нарисованных на ней. Стул рядом со мной отодвинули, и Тео шепнул мне на ухо:

– Спасибо, что сохранила нам местечки.

– Угу, – промямлила я.

На стол принесли печеную утку в вине с овощами.

– Будешь? – спросил он.

– Да, пожалуйста, – отозвалась я.

Клэр словно воды в рот набрала – не произносила ни слова. Тео молча накладывал ей еду на тарелку. Она даже не благодарила его. Вяло размазывала содержимое тарелки вилкой, упершись взглядом в нее.

– Сок? – учтиво поинтересовался у меня Тео.

Мне стало его жалко. Было видно, что он переживает за Клэр.

– Да, конечно, – кивнув, ответила я.

Он налил мне сок, себе вино.

– Спасибо, Тео, – поблагодарила я.

– Не за что, ребенок. Как, кстати, твоя школа?

– Порой скучно, порой весело... – честно ответила я.

– А друзья появились?

Я замолчала. Друзей практически не было. Кроме Габриэля.

– Есть Габриэль, мы с ним дружим с самого детства. С девочками у меня не получается... – призналась я. – Они слишком сложные.

Тео хмыкнул и отпил вина.

– Да, согласен... вы чертовски сложные.

Я ничего не ответила на это, молча продолжала есть свой ужин. Не хотелось говорить о школе и о моем неумении общаться с ровесницами. Я не была забитой тихоней. Но у меня было мало общего с обычными девочками. В этом и заключалась проблема коммуникации. Я никогда не знала, что делать и как себя вести в их окружении. Легче было слиться со стенами и не привлекать внимания. Но с Тео общение развивалось само собой. Несмотря на всю нервозность, которую испытывала от близости с ним, я чувствовала легкость и спокойствие.

На десерт принесли штоллен и бюш де Ноэль¹¹. Тео подал мне большие кусочки и того и другого. Сладости таяли на языке.

– А чем занимаешься помимо школы?

Я бросила взгляд на Клэр. Она напряглась, и, хоть и делала вид, что ничего не слушает, у меня сложилось обратное впечатление. Клэр впитывала каждое мое слово. Она злилась – я видела это по тому, как хмурились ее брови. Мне хотелось рассказать ему, что я рисую. Рисую и день и ночь. В любую свободную минуту. Я хотела сказать, что мои рисунки и есть мои друзья. Они выслушивают меня и поддерживают. Но я не могла раскрыть ему свою тайну, насколько бы сильно ни жаждала показать ему свои наброски и пустить его в свой вымышленный мир. Одного взгляда на мою сестру хватило, чтобы понять: ее ревность слишком сильна. Она никогда не простит мне того, что я посмела взять в руки карандаш. Всю свою жизнь я ощущала исходящее от нее недовольство по отношению к себе. Зависть и ревность. Она хотела, чтобы весь мир крутился только вокруг нее одной, а я портила ей жизнь своим существованием.

– Я люблю смотреть фильмы, сериалы, читать книги, гулять с Габриэлем, – затараторила я.

– Какие фильмы любишь? – тут же спросил он, и Клэр нахмурилась еще сильнее.

Я начала нервничать: непонимание, что именно ее злит, пугало меня. А потом я подняла голову и посмотрела на Тео. Он смотрел на меня теплым взглядом и терпеливо ждал ответа. Он хотел говорить со мной, задавал мне вопросы и интересовался моей жизнью. Осознание этой мелочи взбудоражило меня и подарило крылья. Я улыбнулась ему, так как была не в силах сдержать радость в себе.

– Я сейчас пересматриваю «Сумерки», и, честно скажу, успех этого фильма принадлежит Роберту Паттинсону. Без него ничего бы не было! – с умным видом заявила я, и Тео весело усмехнулся.

– Почему ты так думаешь?

– Он с такой легкостью вписался в роль таинственного, опасного джентльмена, что у всех девочек на планете Земля не осталось никаких шансов, кроме как втюриться в него по самые уши. Причем, заметь, через это проходит каждое новое поколение на протяжении последних 10 лет!

– Значит, девочкам нравятся опасные, таинственные джентльмены? – со смешком поинтересовался он, и я смутилась.

Говорить о «Сумерках» – это одно, говорить о парнях – совсем другое. Я неловко откашлялась и почувствовала, как кожа вновь предательски краснеет.

– «Сумерки» – мировой бестселлер, и, поверь, не потому, что там сногшибательная история. Хотя и это, конечно... Но, скорее, там есть Эдвард Каллен. И это все решает.

Он начал медленно наклоняться ко мне, близко-близко к самому уху.

– Значит, таинственный, опасный, но обязательно джентльмен, да еще и клыкастый? Вкус у тебя, конечно, странноватый!

Он сделал вид, что сейчас укусит меня в шею, сопровождая это громким звериным рыком.

– Ры-ы-ы-ы-ы!

Я пихнула его в бок и весело расхохоталась. Его глаза задорно засверкали, и звонкий смех разнесся по комнате на пару с моим. Я залюбовалась Тео... и продолжала хохотать над его дурацкой шуткой. Внезапно Клэр вскочила из-за стола. Настолько резко, что стул полетел на пол с оглушительным стуком. Она взбежала вверх по лестнице, даже не извинившись, и

¹¹ Бюш де Ноэль (пер. с фр. *vîche de Noël* – «рождественское полено») – традиционный французский рождественский торт в виде рулета.

Тео сразу же последовал за ней... в ту же самую секунду. Он всегда следовал за ней. А она принимала это как само собой разумеющееся.

В тот вечер я получила подарки, но ни один из них не вызвал у меня искреннюю улыбку. Я избегала Тео, не смотрела в сторону Клэр. Мне не нравилось ощущение ревности. Оно душило меня изнутри. Горечью разливалось по внутренностям.

– Ниса, малышка, дай потрогаю твой лоб, ты не заболела? – волнуясь, прошептала мама и погладила меня по голове.

– Я хочу спать, – наврала я.

– Иди, моя хорошая. – Мама поцеловала меня в щеку и отпустила.

Я шла в сторону лестницы, как вдруг неожиданно путь преградила Клэр.

– Тебе еще не надоело портить родителям настроение своим капризным поведением? – грубо спросила она.

И я впервые в жизни накричала на нее.

– Кто бы говорил!!! – заорала я во все горло и со всей силы пихнула ее в бок.

От неожиданности и силы моего удара она потеряла равновесие и упала. Я не остановилась. Вбежала к себе в комнату под крики всей семьи и, громко хлопнув дверью, закрыла ее на ключ.

– Ниса! – позвала мама и громко постучала.

– Мне надо побыть одной, – со слезами на глазах хрипло ответила я.

– Почему это моя вина? – Крики Клэр сотрясали стены. – С меня достаточно! С долбаным Рождеством, идеальная семейка! Я сваливаю!

– Клэр, стой! – попробовал остановить ее папа.

– Пошел к черту! – заорала она в ответ, и до меня донесся оглушительный хлопок входной двери.

– Прости, мам, – едва произнесла я.

Но сомневаюсь, что она меня услышала. Скорее всего, к тому моменту она уже отошла от моей двери. Этого я никогда не узнаю. Мне было стыдно за то, что я испортила Рождество. Убегая от этих эмоций, я вытащила из-под подушки альбом с карандашами и принялась как заведенная вырисовывать непонятное чудовище. Спустя час на меня смотрел монстр с точно такими же глазами, как у моей сестры. Его огромный рот был открыт в реве или крике. Мне казалось, что он говорит мне: «Я тебя ненавижу!» Самое ужасное, что мне хотелось ответить ей тем же. За одну ночь мой страх перед ней умер, желание понравиться и добиться ее расположения рассыпалось прахом. Я ненавидела ее за все гадости, грубости, шлепки и за все мои ночные кошмары. И самое главное, я ненавидела Клэр за то, что Тео выбрал ее. Я вглядывалась в глаза монстра. Упрямо, сердито, с вызовом. До тех самых пор, пока не увидела в нем себя... Словно ошпаренная, я отскочила от альбома.

В комнате висело маленькое овальное зеркальце. На носочках я подошла к нему и взглянула в свое отражение. Мои карие глаза были точь-в-точь такими же, как у Клэр. Насыщенный янтарный оттенок с золотыми крапинками и загнутые вверх длинные ресницы. У меня были глаза монстра... а в душе klokотала ненависть... дикая, вопиющая. Чудовищная ненависть.

Я была тем самым монстром, которого нарисовала в приступе гнева. Он смотрел на меня из зеркала. Он жил внутри меня.

И я знала только одного человека, который мог бы успокоить меня. Дрожащими руками я потянулась к телефону и набрала номер Габриэля.

– Беренис? – ответил сиплый мальчишеский голос.

– Я могу прийти к себе сейчас? – выпалила я.

– Конечно, – растерянно протянул мой друг. – Мы еще не легли. Пьем горячий шоколад перед камином...

– Я сейчас.

Голос меня не слушался, в глазах стояли детские слезы, в груди поселилось ощущение страха. Впервые я пугала саму себя. Я кое-как надела куртку и сапожки. В доме все закрылись по комнатам – очевидно, чтобы обсудить испорченный праздник и наши с Клэр взаимоотношения. Я бесшумно вылетела за дверь и, скрипя снегом, побежала. Снежинки падали мне на волосы, мороз щипал мокрое от слез лицо. Пар валил изо рта, а холод пронизывал насквозь. Шале, принадлежавшее семье Габриэля, находилось в пятнадцати минутах ходьбы от нашего. Наши родители дружили всю жизнь. Мы часто шутили, что унаследовали нашу дружбу. Я вбежала на крыльцо, и он тут же открыл мне дверь. Словно ждал меня. Зеленоглазый, невысокого роста паренек. Старше меня на три года, но в тот момент мы выглядели ровесниками. Он смешно сутулился и был таким худым, что казался каким-то угловатым. Каштановые волосы торчали в разные стороны, россыпь веснушек не покидала его даже зимой. Он неуверенно перепрыгнул с ноги на ногу.

– Беренис, что случилось?

Я не смогла ответить... обняла его и горько заплакала у него на груди. Отчего-то ласковый тон его голоса не успокоил, а лишь сделал больнее. Мне казалось, я не заслуживаю подобного отношения.

Глава 5

Le présent

Тео смотрит на меня как на призрака. А может быть, я и выгляжу как призрак? Тени под глазами, кожа да кости, я не помню, когда ела в последний раз, и такое бывает часто, когда я начинаю работать над картинами. Его рука поднимается в воздух, и он нерешительно отбрасывает прядь моих волос с лица. Я боюсь пошевелиться.

– Ниса...

Два года. Два долгих года никто не называл меня Нисой. Я не могу перестать смотреть на него, кончики пальцев нервно подрагивают. Он все такой же красивый... Правду говорят, что нет никого прекраснее дьявола. Его ладонь опускается мне на лицо. Теплая кожа словно ошпаривает. Я резко подсакиваю. Хватаю сумку и выбегаю из помещения. Тео ловит меня за талию и одним движением притягивает к себе.

– Ниса, – тихо бормочет он, – как... что ты здесь делаешь?

Скрываюсь от тебя... убегаю от себя. Ведь я знаю, насколько мы ужасны. Недолго думая, я наступаю ему на ногу и ударяю затылком ему по лицу. Тупая боль прошивает череп, но я не мешкаю. Он хватается за нос, тем самым выпуская меня из объятий. Этому трюку научил меня Габриэль. Я со всех ног мчусь к выходу.

– Ниса! – доносится до меня, но я уже на улице.

Перебегаю через дорогу и оказываюсь в дверях «Галери Лафайет»¹². Смешиваюсь с многочисленными туристами и покупателями. Главное – затеряться. Руки трясутся, ноги продолжают нести меня все дальше и дальше. Я поднимаюсь на эскалаторе на самый последний этаж торгового центра и не знаю, что мне делать дальше. Из сумки достаю телефон и непослушными пальцами набираю номер Габриэля. Друг поднимает телефон после второго гудка.

– Беренис?

– Он нашел меня... – хрипло шепчу я в трубку. Голос дрожит.

– Кто нашел тебя? – осторожно спрашивает Габриэль.

Я молчу, не могу заставить себя произнести его имя. На глаза наворачиваются слезы.

– Габриэль... он нашел меня... – судорожно ловя воздух, повторяю я.

Тишина... Слышу его дыхание в трубке.

– Твою мать! Ты где? Он сейчас рядом?!

– Я убежала... сижу в «Галери Лафайет», – запинаясь, – мне страшно, Габриэль.

– Сиди там, я сейчас заеду за тобой. Беренис, слышишь? Не вздумай выходить без меня на улицу!

– Не бросай трубку, – прошу я. – Только не отключайся.

По телу бегут мурашки от страха.

– Без паники, я сейчас приеду. Я недалеко. Уже выезжаю, слышишь?

– Да...

Я как сумасшедшая сканирую толпу. Вглядываюсь в людские силуэты и лица.

– Как он нашел тебя? – выругавшись, выплевывает Габриэль.

– Он пришел к Огюсту, – тихо отвечаю я.

Люди бросают на меня непонимающие взгляды, встречаясь с моим безумным. Но я не могу перестать выискивать его. Ведь если он здесь... то... Я спотыкаюсь и лечу на пол. Больно ударяюсь коленками о грязный кафель. Телефон отскакивает и летит под одну из вешалок на колесиках.

– Твою мать... – Я спешно ползу к трубке и хватаю ее.

¹² «Галери Лафайет» (от фр. Galeries Lafayette) – французская сеть универмагов.

– Беренис! – на том конце кричит Габриэль.

– Я здесь, – громко дыша, говорю я и прячусь за металлической конструкцией. Закрываю себя вещами от посторонних взглядов.

– Не пропадай, слышишь? Я уже было подумал о самом страшном, – в смятении говорит он.

– Я спряталась, Габриэль, – успокаиваю я.

Сердце гулко стучит в груди, пульс отдается в ушах. Место, где он прикоснулся ко мне, горит. Я потираю щеку, стараясь избавиться от наваждения. Ласковое, нежное касание. Он так смотрел!.. Взгляд голубых глаз был столь пристальным и пронизывающим... словно он не забыл меня.

– Что он сказал тебе? – Вопрос Габриэля вырывает меня из водоворота мыслей.

– Ничего. Он лишь назвал меня по имени.

– По имени? И больше ничего?

– Все произошло слишком быстро.

– Он был удивлен при виде тебя?

– Да...

– Хорошо, – успокаивающе отвечает друг. – Это значит, он не искал тебя, а нашел случайно.

Я молчу. Дикая, вопиющая случайность, проносится у меня в голове.

– Я подъехал, Беренис. На каком ты этаже?

Так быстро... стараюсь не думать о том, сколько правил он нарушил, мчась ко мне.

– На последнем, сижу среди детских курток, – шепчу я.

– Сейчас поднимусь. Ничего не бойся, хорошо?

Я молчу... Страх – не единственная эмоция, которую я испытываю в данный момент... Водоворот чувств накрывает меня, и я просто не знаю, как справиться с таким потоком воспоминаний и ощущений.

– Он вообще ничего не сказал? – вновь спрашивает Габриэль.

– Нет, он был слишком шокирован, – тихо отвечаю я.

– Интересно, что он там вообще делал... – словно думая вслух, бормочет мой друг.

– У него были дела с Огюстом, какие именно, я не знаю.

– Да и плевать, – грубо бросает Габриэль. – Я на шестом этаже, где ты?

– Стой у эскалатора, сейчас подойду.

Я выбираюсь из-под курток, меня замечает маленький мальчик в коляске и улыбается своей беззубой улыбкой. Очевидно, тетя, спрятавшаяся в куртках, – зрелище смешное. Не могу заставить себя улыбнуться ему в ответ. Все тело бьет нервная дрожь. Главное – исчезнуть отсюда...

– Я вижу тебя, – шепчу я в трубку.

Габриэль стоит ко мне спиной. В белой свободной майке и голубых джинсах. С губ срывается вздох облегчения. Я не одна. Габриэль поможет мне. Быстрыми шагами направляюсь в сторону друга. Обернувшись, неожиданно натываюсь взглядом на мужчину. Он один и не делает покупок. Мужчина сканирует толпу, в ухе у него наушник. Он вглядывается в мое лицо, его глаза сужаются. Я резко опускаю голову и ускоряю шаг. Мужчина идет вслед за мной. Затылок покалывает от его пристального взгляда. Я беру Габриэля за руку.

– Вот ты где, – успокоившись, говорит он. – Все хорошо, Беренис. Ты аж вся побледнела... Иди ко мне.

– Бежим, за нами следят, – выпаливаю я.

Друг тормозит и смотрит на меня так, словно не расслышал.

– Я сказала, пошли...

Мужчина с наушником приближается быстрым шагом. Сердце замирает в груди. Я бросаю умоляющий взгляд на друга.

– Нам надо уходить, – нервно сглотнув, сиплю я.

Габриэль наконец оживает, поворачивает голову. Увидев мужчину, он хватается за меня за руку, и мы несемся вниз. Расталкиваем многочисленную толпу и перепрыгиваем через ступеньки. Нам вслед летят удивленные возгласы и ругательства.

– Быстрее, Беренис. Быстрее! – подгоняет меня друг: он шустрее и продолжает больно тащить меня за руку.

В горле стоит вкус крови, а в легких не хватает воздуха. Но я не останавливаюсь, не перевожу дыхание, позволяю Габриэлю тянуть меня. Мужчина следует за нами по пятам.

– Он здесь не один! – выплевывает Габриэль и резко заворачивает за стенд с косметикой.

Я оглядываюсь и вижу четверых мужчин: кто-то спускается с других этажей, кто-то ждет нас в самом низу. Все движется к нам.

– Они нас поймают, – испуганно шепчу я.

– Не сегодня. – Габриэль тянет меня к выходу, а я, недолго думая, опрокидываю стойку с сумками.

Деревянная конструкция с грохотом валится вниз. Люди еле успевают отскочить. Слышны многочисленные крики толпы. Начинается столпотворение, народ пытается разглядеть, что случилось. Персонал магазина спешит устранить беспорядок и всех успокоить. Мужчинам, которые гонятся за нами, сложно пробиться сквозь огромное количество людей.

– Круто! Круто! – кричит Габриэль, имея в виду мой маленький трюк.

Мы выбегаем из торгового центра и мчимся к его машине. Маленький «смарт» припаркован на углу, в неполюженном месте.

– Быстрее, Беренис! Быстрее! – кричит Габриэль.

Я бросаю взгляд за спину и вижу одного мужчину в дверях галереи. Завидев нас, он начинает бежать. Он такой быстрый – ощущение, что настигнет нас за считанные секунды. Я спотыкаюсь, но Габриэль удерживает меня на ногах.

– Садись! – командует он, буквально забрасывает меня в машину и, быстро обогнув ее, запрыгивает на водительское сиденье.

Включает зажигание и резко вырывается под громкие гудки и недовольство других водителей. Не обращая ни на кого внимания, давит на газ с такой силой, что шины автомобиля визжат, а меня вдавливают в сиденье.

Руки Габриэля дрожат.

– Мы смылись.

– Он будет искать меня... – Мне тяжело дышать.

Я опускаю голову на колени и делаю глубокие вздохи. Пытаюсь нормализовать дыхание. Легкие горят, горло саднит.

– Вот, выпей. – Габриэль протягивает мне бутылочку «Эвиан».

Я делаю несколько жадных глотков. Захлебываюсь водой и выплевываю ее на приборную панель. Громко закашливаюсь. Габриэль тихонечко стучит меня по спине.

– Дыши, просто дыши.

– Он будет искать меня... – в панике повторяю я.

– Скорее всего, он искал тебя все это время, Беренис. Вряд ли он так легко поверил в твою смерть. С его-то биографией...

– Но теперь он знает про Огюста! – хриплю я.

– Огюст скорее пристрелит его, чем отдаст ему тебя. Мы оба об этом знаем. Поэтому, будь уверена, он ничего не расскажет ему. – Габриэль успокаивающе гладит меня по спине.

Я знаю, что Габриэль прав. Но паника нарастает. А что, если он найдет меня? Что я скажу ему? Что именно ему нужно от меня? Правда?

– Беренис, все хорошо. Я спрячу тебя, слышишь? Он не найдет тебя.

Я судорожно киваю, стараясь изо всех сил успокоиться.

– Он не найдет тебя, – уверенно повторяет Габриэль.

А что, если я хочу, чтобы он это сделал? Насколько я сумасшедшая? Насколько я больна? Закрываю глаза и вижу его лицо. Изумление, с которым он смотрел на меня, было настоящим. Он был действительно удивлен. Теплый взгляд голубых глаз, нежное касание и «Ниса», сказанное с придыханием и волнением.

– Беренис, ничего не бойся, – твердо произносит Габриэль.

Я чувствую его изучающий взгляд на себе.

Интересно, знает ли он, как пусто звучат его слова? Я боюсь Теодора де Лагаса. Но еще больше я боюсь себя и своих чувств к той тьме, что всегда его окружала.

Глава 6

Le passé

Талант уничтожал Клэр изнутри, и она никак не могла справиться с этим. Она всегда ходила по краю пропасти. В шаге от смерти. Не знаю, замечали ли мои родители или же делали вид, что ничего не происходит. Так ведь часто бывает в благополучных семьях. Взрослые списывают признаки депрессии у ребенка на капризы, апатию на лень, нежелание жить – на очередную детскую глупость, не принимая всерьез детские эмоции и порывы. Впервые я заподозрила, что с моей сестрой что-то не так, когда мне было 10 лет. До этого я была слишком юна, чтобы заметить отклонения в ее поведении. Что могла я, со своей детской наивностью, знать о психологических травмах?

Были летние каникулы, мы с Габриэлем бегали по двору бабушкиного шато. Мы живо что-то обсуждали и подбежали к заброшенному гостевому дому. Он выглядел как старый сарай. Я редко заглядывала внутрь – это заброшенное место принадлежало Клэр. Она уходила сюда писать картины, прячась от семьи и нашего назойливого общества. В тот день обшарпанная деревянная дверь была слегка приоткрыта.

– Зайдем? – с любопытством спросил Габриэль.

– Не уверена, что нам туда можно.

– Да что может случиться? – легкомысленно бросил он. – Давай, никто и не узнает.

– Вдруг там кто-то есть? Там может быть Клэр, и, скорее всего, она рисует.

Сказать это было моей стратегической ошибкой. Габриэль обожал смотреть, как моя сестра пишет картины. Уже тогда он любил живопись и изучал историю искусства по детским энциклопедиям. Клэр была для него звездой с неба. Художницей, создающей нечто невообразимое.

– Мы будем тише воды ниже травы, – понизив голос, сказал он и бочком пролез в узкий проем, не касаясь двери.

Я последовала за ним. Его спина закрывала мне весь обзор. Да и смотрела я под ноги, стараясь не наступить на дыры в паркете. Вокруг все было в грязи, паутине и пыли. Внезапно Габриэль застыл на месте. От неожиданности я вписалась носом в его лопатку.

– Что случилось? – прошептала я, чувствуя исходящее от моего друга напряжение. – Там труп крысы, да?

Единственное, что я действительно боялась увидеть среди грязи и поломанного пола, были крысы. Всю жизнь боюсь этих тварей.

Габриэль медленно качнул головой и нервно сглотнул. Его взгляд был направлен в угол комнаты, я проследила за ним и поняла, что так сильно шокировало моего друга. Клэр сидела полностью голая перед мольбертом и трогала себя. С ее губ срывались возбужденные вздохи, тело выгибалось. Габриэлю было почти тринадцать лет... Сейчас я осознаю, как, должно быть, увиденное шокировало его. Он словно врос в землю. Его глаза бегали по ее телу. Но меня напугала не ее нагота и то, что она делала. Меня до глубины души испугал ее рисунок. Это было нечто абстрактное. Кости, выдранные органы, тело девушки и нависшее над ней чудовище. Он то ли насиловал ее, то ли целовал. Моей детской фантазии было недостаточно, чтобы расшифровать посыл. Картина была написана ярко-красными грубыми мазками и выглядела омерзительно.

– Пошли отсюда, – потянув застывшего друга за руку, сказала я. – Говорила же, что это ее место.

У Габриэля покраснели уши и щеки. Он коротко кивнул и последовал за мной. Я ощущала, что ему ужасно стыдно. Мне самой было неловко смотреть ему в глаза.

– Мы никому не расскажем, что именно увидели здесь, – предостерегла я, как только мы вышли за дверь, и он вновь кивнул.

– Конечно, – прохрипел Габриэль. Он выглядел сбитым с толку. – Почему там? – как-то отстраненно спросил он.

– С тех пор как она пошла в школу искусств, она часто это делает, и в разных местах, – призналась я, так как, в отличие от моего друга, не впервые была свидетелем подобного.

– Она красивая, – вырвалось у него.

Габриэль, поняв, что только что произнес, покрылся багровыми пятнами.

– Давай просто забудем об этом, – прошептала я, и Габриэль, словно китайская игрушка на пружинке, закивал головой.

Сомневаюсь, что кто-то из нас был способен позабыть подобное. Однако больше мы никогда не возвращались к этому эпизоду. Возможно, я должна была рассказать обо всем родителям. Но мне не хватило духу. Да и как рассказать о подобном? Каждый раз, когда мы приезжали с ними в Нормандию, это воспоминание томилось на задворках моего сознания. Но я отчаянно боролась с ним и прятала как можно глубже, запирая на миллион выдуманных дверей.

С тех пор прошло семь лет, и я вновь гостила у бабушки. Весной в саду перед домом цвела магнолия. Белые огромные бутоны с розовыми сердцевинами распускались и радовали взор. Я сидела у себя в комнате и перерисовывала их. Окна были нараспашку открыты. Свежий воздух и пение птиц составляли мне компанию. В руках был грифель, который когда-то забыл в этом шато Тео. Единственная вещь, оставшаяся у меня и напоминающая о нем. Я рисовала значительно лучше. Цветы получались идеальными, словно сделанными под копирку. Тени добавляли им жизни и делали их более выпуклыми. Было ощущение, что я могу протянуть руку и дотронуться до бутона. Мне было семнадцать лет. Я состригла ужасную челку, отпустила длинные, густые каштановые волосы, покрывающие всю спину. Походы к косметологу дали свои плоды: акне исчезло, моя кожа была чистой, сверкала молодостью и румянцем. Брекеты сняли, я теперь не стеснялась улыбаться и делала это при любой возможности. Широкие брови я слегка выщипала, придав им аккуратную форму. Они больше не портили меня, скорее делали акцент на глазах, подчеркивали их миндалевидную форму и насыщенный янтарный оттенок.

– Беренис, пошли уже, твой папа начал вести со мной слишком серьезные разговоры, – недовольно бурча, сказал Габриэль.

Он ввалился в мою комнату без стука и сразу же упал на кровать, сминая шелковое нежно-голубое покрывало.

– Можно потише? Ты мешаешь, – не скрывая раздражения в голосе, сказала я.

– Сколько можно рисовать?! – воскликнул он.

– Тсс, – шикнула я.

В моей семье был лишь один художник – Клэр. А о моем секрете до сих пор не знала ни одна живая душа, кроме Габриэля. Ему стукнуло двадцать. За последние четыре года он хорошенько вытянулся и набрал массу. Мальчишеская несуразная угловатость пропала. Он занялся греблей, отчего плечи стали шире и спина накачанной. Но зеленые глаза все так же были наивны и по-детски глупы. Габриэль взъерошил свои светло-коричневые волосы.

– Я думал, Клэр сегодня приедет, по крайней мере, так сказала твоя мама.

– Моя мама надеется, что Клэр приедет, но ты же знаешь, что никто никогда ни в чем не уверен, когда дело касается моей старшей сестры.

– В последний раз вы виделись на Рождество, ведь так? А это было давненько...

– До Рождества мы не виделись год, Габриэль. У Клэр нет понятия «Я давно не видела свою семью!». Она ужасная эгоистка.

Он нахмурился.

– Не будь такой категоричной, Беренис. Она все-таки твоя сестра, и мне кажется, что у нее сложный период в жизни.

Я не выдержала и закатила глаза.

– У нее всегда сложный период в жизни, ясно? И все вокруг должны ходить на цыпочках и разговаривать с ней шепотом. Потому что у нее плохой период! Как же ее жалко!

– Вот поэтому между вами ужасные отношения. Ты не пытаешься ее понять!

– Ее понять невозможно! – Я повысила голос, и Габриэль удивленно приподнял брови.

– Вот это да... Ты что, правда, ее так сильно ненавидишь? – Он вглядывался мне в глаза в поисках ответа.

Я отвернулась – отвечать не хотелось. Не Габриэль был свидетелем маминых слез... Каждый вечер мама молилась о Клэр, держа в руках крестик, оставшийся ей от моей прабабушки-итальянки. Отец пытался унять ее беспокойство, но он точно так же изводил себя. Она молилась, он тихо напивался. А я была свидетелем их слабости... Клэр могла лишь одним звонком успокоить родителей. Один-единственный звонок, и все... Но ей нравилось им мстить. Надолго пропадать, возвращаться с иссиня-черными синяками под глазами и худой до такой степени, что при виде нее мама запиралась в ванной, включала воду, чтобы подавить звук своих воплей, которые все равно были слышны сквозь мощный шум струи. А сестра с видом победителя упивалась их реакцией. Словно специально демонстрировала свое состояние... Клэр была разрушительной. Она рушила свою жизнь и нашу семью. И наслаждалась самоуничтожением. А я потом пыталась собрать родителей по осколкам. По кусочкам. Но я не могла полностью излечить их внутреннюю боль. Они любили Клэр, и их разбитые сердца склеить было под силу лишь ей. Но Клэр даже не пыталась этого сделать.

– За что ты так ненавидишь ее, Беренис?

Голос Габриэля был пропитан нескрываемым любопытством, словно ему действительно важно меня понять. Однако я была не в настроении вести подобные диалоги.

– Будь добр, выйди из моей комнаты со своими глупыми вопросами! – грубо потребовала я.

Габриэль недовольно поджал губы, но направился к двери. На пороге он обернулся.

– Она не так плоха, как ты хочешь о ней думать, Беренис.

С этими словами он закрыл за собой дверь до того, как я успела спросить, с каких пор он так хорошо ее знает.

Нет, я не ненавидела свою сестру. Я ее просто не любила. Меня бесило, что все пытаются быть с ней милыми, а она при этом плюет на людей и не замечает ничего хорошего. Бесило, что мне надо скрывать свои рисунки, так как я знала, что Клэр просто-напросто уничтожит меня, если увидит их... А также я понимала, какую волну страха вызовет мое увлечение у родителей. Я всегда должна была взвешивать собственные поступки. Жить с оглядкой на нее, словно передвигаться по минному полю. Никогда не знаешь, где взорвется и почему. Ее присутствие чувствовалось постоянно. Даже когда она месяцами не приходила в родительский дом. Мама и папа бесконечно говорили о ней, а я не могла перестать думать о ней. Каким-то образом она присутствовала всегда и везде в моей жизни. Невидимый призрак. На меня давило это присутствие. Давили разговоры о ней и все переживания, которые испытывали родители. Я не могла поделиться с ними своими проблемами, ведь кто-то должен был облегчить им жизнь. Этим кем-то была я. Идеальная Беренис без права на ошибку.

Но было кое-что еще... Меня до ужаса злило, что я не видела Тео 4 года. Все мои вопросы о нем Клэр игнорировала. Я знаю, она специально не звала его с собой. Клэр ненавидела делиться. Ей пришлось разделить со мной родителей, уже за одно это она ненавидела меня. А Тео... Он был добр ко мне, и она это знала. Но эгоизм моей сестры был слишком велик, чтобы она позволила нашей с ним дружбе продлиться.

Я тем временем продолжала рисовать его. Находила про него статьи в интернете. Фотографии, сделанные папарацци. Французская пресса обожала его. Вокруг де Лагаса ходило столько слухов... Ему приписывали романы с самыми красивыми женщинами. Клубы стали его визитной карточкой. После окончания школы искусств он занялся со своим дядей бизнесом. Я никогда не была в его клубах. Но их называли самыми стильными местами в городе. Его произведения висели на стенах. Многие обсуждали мрачную тематику картин. Искусствоведы бегали за ним, но он никогда никому не продавал свои работы. Отказывался от выставок и всего остального.

В одном из интервью директор Национального центра искусства и культуры Жоржа Помпиду высказался о том, что Теодор де Лагас – один из самых талантливых художников за последние сто лет. Директор призывал его посвятить свою жизнь творчеству и не распылять талант, ведь любой дар несет в себе и проклятье, если им не воспользоваться. Но Тео оставался верен себе. Его картины украшали его клубы – и ничего больше. Я любила листать фотографии его работ. Моей любимой была «Аморе». На ней были изображены руки, на которых, словно в колыбели, лежало мертвое тело девушки. Труп разлагался, кожа было темно-зеленого, болотного оттенка. Но из девушки росли цветы. Они покрывали все ее тело. Бутоны поднимались из зловонных ран на коже, браслетами окутывали запястья, талию и шею. Она была красивой... Мертвое, тихое, спокойное лицо и огненно-рыжие волосы на фоне мрачных, темных оттенков горели на полотне.

Картина цепляла, вызывала эмоции, доводила до мурашек. В одной статье писали, что эксцентричный китайский миллиардер предложил за нее свыше 100 миллионов евро. Но Тео отклонил и это предложение, чем вызвал волну негодования: зачем он их пишет, зачем творит? Этими вопросами задавались многие люди искусства. Я знала зачем. Он творит, чтобы выпустить эмоции, освободиться от того, что скопилось в душе. Я рисовала по той же причине. Не ради славы или признания, а потому что не могла иначе. Эскизы выливались из меня один за другим. И я не могла сказать им «Нет!». Это ощущение было сильнее меня.

– Они приехали! – в очередной раз без стука раскрыв мою дверь, крикнул Габриэль. – Видишь? Они все-таки приехали!

– Они? – Я едва смогла произнести это короткое слово.

– Тео и Клэр! – быстро бросил он и помчался по лестницам. – Давай, спускайся, Беренис!

Я застыла, боясь пошевелиться. Сердце сжалось в груди. Снизу слышались счастливые возгласы бабушки и дедушки. Раскатистый смех отца и ласковые причитания мамы. Я сделала глубокий вдох и потянула за резинку, снимая ее с волос. Коричневые волны покрыли спину и водопадом рассыпались по плечам. Они были густыми, тяжелыми. Придавали мне соблазнительности и делали меня старше.

– Ниса, Ниса! – прокричала мне мама.

Я спустилась вниз по лестнице. Медленно, шаг за шагом, подошла к толпе, собравшейся у нас в прихожей. Помню, как от волнения сбивалось дыхание. Тео стоял ко мне спиной, Клэр, как всегда, бросила на меня недовольный взгляд и, нахмурившись, отвернулась. Она выглядела лучше, свежее с короткой стрижкой и в сером сарафане. Этот цвет подчеркивал ее хрупкость и природную бледность. Но я лишь глянула на нее мельком. Все мое внимание было направлено на Тео.

– Привет! – произнесла я громче, чем мне хотелось, и почувствовала, как кровь прилила к лицу.

– Привет, – начал он оборачиваться, – ребе...

Де Лагас уставился на меня. Споткнулся на собственных словах и громко выдохнул. Я улыбнулась ему и подмигнула.

– Уже не ребенок.

Папа громко фыркнул, мама тихо рассмеялась. Тео наконец взял себя в руки и наигранно воскликнул:

– Чем, черт бы вас побрал, вы ее кормите? Так вымахала за 4 года!

Я ощущала его скованность и неловкость. Он отвел от меня взгляд. Было видно, что он старался не пялиться. Я не знала, куда деть руки. Расправила на платье несуществующие складки и, сделав глубокий вдох, выпрямила спину.

– Это секрет, – с улыбкой ответила я.

– И этот секрет мы тебе не раскроем, – со смешком подхватил дедушка. – И, кстати говоря, о еде! Пойдемте на кухню, я сегодня еще не завтракал, а уже время обеда.

Вся семья последовала за ним. Мама забрасывала Клэр вопросами, та хмуро отвечала короткими предложениями. Папа внимательно ее слушал и что-то вставлял. Габриэль не мог избавиться от моей бабушки, которая начала рассказывать ему истории из своей молодости. А я шла рядом с Тео и чувствовала, как щеки наливаются румянцем под его пристальным взглядом.

– Ты такая красивая, Беренис, – тихо сказал он и, словно пожалев об этом, поджал губы. – Пойду спрошу у твоего папи, вдруг ему с чем-то нужна помощь, – быстро протараторил он, не дав мне возможности ответить на его комплимент.

Он убежал от меня. В прямом смысле этого слова: сорвался с места и удрал к папи, который уже сидел за столом и с довольным видом накладывал себе еду в тарелку. Мне вдруг стало не по себе. Я опустила глаза и погрязла в собственных мыслях и сомнениях. Когда я подняла голову, на меня смотрела Клэр. Ее взгляд был прикован ко мне. И вместо того чтобы стучаться, я выпрямила спину и подняла подбородок. Она закатила глаза и уставилась на меня как на грязь под ногтями. Наше стандартное приветствие...

– Привет, сестренка. – В ее тоне звучала надменность.

Слово «сестренка» прозвучало как оскорбление. Словно уменьшительно-ласкательным обращением она напоминала мне о том, что я младше, глупее и хуже. Но я не дрогнула – та маленькая девочка, которая боялась ее и нуждалась в одобрении, канула в Лету.

– Привет, – эхом ответила я, не тушуясь и не пряча взгляда.

– Так что там с выставкой? – спросила мамы, обращаясь к Клэр.

Я не знала, о чем они говорят. Но тема явно была неприятна моей старшей сестре.

– Они меня не взяли, – грубо бросила она. – Сказали, что я посредственность!

– Это неправда, просто ты им не подходишь, – попыталась успокоить ее мама.

– Нет, правда! Я не вношу ничего нового, я топчусь на месте! – злобно выплюнула Клэр.

– Твои рисунки прекрасны, кто-нибудь их обязательно заметит, Клэр, – внес свою лепту папа.

– Вы не понимаете! – крикнула она. – То, что я делаю, никому не надо! Все это уже видели по миллиону раз. Посмотрите на Тео. – Тот опустил голову и продолжил говорить с дедушкой, сделав вид, что его вовсе здесь нет. – За ним гоняются агенты. Но он...

– Клэр, мы уже это обсуждали, – тихо прервал ее Тео.

Было видно, что он начинает злиться и что тема ему не нравится.

– Ты не понимаешь, насколько тебе везет, Тео! Ты не представляешь, на что люди готовы ради такого внимания и признания! – не реагируя на его реплику, продолжила Клэр.

Он равнодушно пожал плечами.

– Мне это неинтересно.

– Да?! Тогда почему все это так просто идет тебе в руки?! – Она орала на него при всех. Тео напрягся, свел губы в тонкую линию, но ничего не ответил.

– Дорогая, успокойся. Уверена, и за тобой будут бегать все эти агенты, – ласково пробормотала бабушка.

– И вообще... – неуверенно начал Габриэль. – Ведь бывает, что к художникам признание приходит лишь со временем? Скажем, Ван Гог или Караваджо...

Клэр бросила на него уничтожающий взгляд.

– Я не хочу сдохнуть, чтобы стать знаменитой, ясно?

– Не кипятись, – тихо ответил Габриэль.

Его уши покраснели, и у него был такой вид, словно он хочет провалиться сквозь землю. Мами приобняла внучку за плечи, Клэр стояла столбом и даже не обняла ее в ответ.

– Давайте уже пообедаем, – попытался сменить тему папи: он единственный из всех никогда не успокаивал мою сестру и никак не реагировал на ее вечные истерики, мы были похожи с ним в этом.

– Я не голодна, – отозвалась моя старшая сестра и, не сказав больше ни слова, вышла из комнаты.

Бабушка осталась стоять с широко разведенными руками. У мамы в глазах поблескивали слезы, папа задумчиво хмурился. А я ненавидела Клэр за то, что она заставляет их переживать подобные эмоции.

Я смотрела, как ее силуэт удаляется все дальше и дальше. Со спины она напоминала худого мальчика. Светлые волосы были коротко подстрижены, уверена, она брилась налысо, мы просто этого не застали. Я смотрела на нее с нескрываемой злостью, которая разрывала меня изнутри.

– Садись, Ниса, – позвал меня дедушка. – Ты уж точно проголодалась.

Я не была голодна. Но сказать этого не посмела. Ведь кто-то же должен быть проще, легче и не убивать окружающих своими нескончаемыми капризами. Я заняла место рядом с Тео. Наши плечи соприкоснулись. Я ощущала исходящее от него напряжение.

– Не бери в голову, – прошептала я, имея в виду поведение моей сестры.

Он продолжал молчать. В воздухе витал запах его одеколона. Резкий, как океанский бриз. В голове мелькнула картинка: Тео обнимает меня, и я веду носом вдоль его шеи, вдыхая этот аромат. Я застыла на месте от внезапно настигнувших меня мыслей. Незнакомое волнение будоражило душу. Я чувствовала его пристальный взгляд на себе. Опустила голову, спрятав за волосами лицо, ведь он смотрел на меня. Изучающе. Рассматривая каждую деталь. Мама положила мне кусок мяса, пюре и ложку горошка. Я взяла в руки нож. Тео следил за каждым моим движением. Неожиданно он провел пальцем по внешней стороне моей правой руки. Это было столь внезапно. Меня словно ударило молнией, а по коже побежали мурашки. Я подняла на него глаза, непонимающе вглядываясь в него. Касание было таким нежным... Меня никто никогда так не трогал. Он бросил лукавый взгляд на мою кисть, я проследила за ним и поняла, что забыла помыть руки. На внешней стороне ладони был черный след от грифеля.

– Покажешь потом? – тихо спросил он.

– Это личное, – шепотом призналась я.

Сама мысль о том, чтобы показать ему мои наброски, возбуждала и пугала одновременно. Он продолжил шептать. Его тихий приятный голос завораживал.

– Личное – самое прекрасное, что есть в искусстве.

– Это слишком личное, – прошептала я.

– Нарисовала мальчика, которого любишь? – со смешком поинтересовался он.

– Типа того, – ответила я и пристально посмотрела ему в глаза. – Я нарисовала тебя.

Глава 7

Le présent

Мы подъезжаем к дому Габриэля. Он живет на Рю Жерико в 16-м округе. Внизу его дома антикварный магазин. Порой Огюст покупает там старинные картины неизвестных художников. Не потому что он ценитель прекрасного, хотя, конечно, он им является. Старые картины нужны ему исключительно для подрамника и холста. Существует не так много способов получить чистый антикварный холст для создания копии. Для одного из них необходима всего лишь старинная малоизвестная картина. Именно по этой причине Огюст здесь частый клиент. Воздействие высокой температуры на холст может помочь сотворить чудо, точнее, очистить его от краски. Освободить холст для создания шедевра. При этом он сохраняет всю свою ценность и старину. И хотя я не готовлю холсты – мне их приносят готовыми к преобразению и обману, – я частенько была свидетелем этого преобразования.

Габриэль ловко паркуется и отстегивает ремень безопасности.

– Ну и денек... – говорит он и бросает на меня озабоченный взгляд. – Ты как вообще?

Вместо ответа я решаю поблагодарить его.

– Спасибо, что пришел мне на помощь.

– Не благодари за это, – отрезает он.

Я заглядываю в глаза своего лучшего друга. С возрастом он стал интереснее. В лице читается характер. Твердый подбородок покрыт светло-коричневой щетиной, она слегка поблескивает на фоне загорелой кожи. Взгляд зеленых глаз стал глубже. Он выглядит уставшим, под глазами залегли тени.

– Не смотри так на меня, – неожиданно просит он.

– Как именно я смотрю?

– Так, словно... – Он замолкает.

– Словно?

– Словно это вовсе не ты, – раздраженно выплевывает он.

Габриэль резко выходит из машины и громко хлопает дверью. Я выбираюсь вслед за ним.

– Я не поняла, что ты имел в виду, – говорю я, и он пожимает плечами.

– Неважно. Пошли в дом, поживешь пока у меня.

Я качаю головой:

– Они пробьют номера твоей машины и будут караулить меня около твоего дома.

– Да брось...

– Нет, все так и будет. – Я продолжаю стоять на своем.

– И куда ты пойдешь, Беренис?

Он сердито поджимает губы.

– Найду где спрятаться, – с улыбкой говорю я.

Габриэль не убежден в этом – он смотрит на меня с нескрываемым сомнением.

– Я прячусь последние два года. Уж поверь, я знаю, как это делается.

– Он думал, что ты умерла. Но сейчас он знает, что ты жива и в Париже.

– Ненадолго, – намекаю я, и Габриэль хмурится сильнее.

– Останься со мной. Пойдем в полицию, Беренис! Давай...

Я перебиваю его:

– Какая полиция, Габриэль?! Не ты ли мне рассказывал, как его постоянно отмазывают?

Не ты ли мне показывал все эти статьи?

Мой друг нервным движением взъерошивает волосы.

– Я все знаю... но мы должны найти выход!

– И я обязательно его найду, – говорю я, крепко его обнимая, – не переживай.

– Пиши и звони, если что-то понадобится. Любая мелочь!

Я грустно улыбаюсь ему:

– Конечно.

– И береги себя, – требует он.

– Буду.

Он тихонько гладит меня по спине и выпускает из объятий.

– Возьми такси на остановке.

– Хорошо.

Я отхожу от него, перебегаю дорогу. Решаю обернуться на прощание и помахать рукой. Он продолжает смотреть на меня с неким бессилием. Я знаю: он хочет помочь мне. Вот только я угодила в лапы к зверю, с которым Габриэлю никак не справиться. Я быстрыми шагами удаляюсь и, вместо того чтобы сесть в такси, подхожу к станции метро «Мишель-Анж – Отей». Здесьлюдно, заполненные террасы кафе, на углу стоит цветочный магазин, прямо передо мной «Монопри»¹³. Перед магазином зеленая лавка «Пресса», на всех первых полосах – Тео и его клуб. «Дьяволисты купаются в грехопадении?!» – попадаете мне на глаза. Очередная статья об изнасиловании в его клубе. И очередная исчезнувшая жертва. Но полиция уверенно заявляет, что все это выдумки прессы. Люди читают, строят теории, но мало кто верит и действительно боится. Ведь как можно скрыть подобное в наше время? С нашими законами? Большинство считает, что это невозможно.

Все эти статьи лишь бесплатная реклама. В его клубах не протолкнуться, ведь на фотографиях так и мелькают шикарные интерьеры, а в текстах описывается нечто настолько невероятное, что абсолютно точно не захочешь пропустить вечеринку. Тео де Лагас притягивает всех своими секретами и темной, таинственной атмосферой. Его имя стало брендом. Красивый, молодой, талантливый и абсолютно безбашенный. Перед его клубом очереди из девочек в коротких юбках – они мечтают о встрече с ним. Он и правда порой наносит неожиданные визиты, чем будоражит толпу. Его фотографии на обложках – гарант того, что тираж уйдет. Я вглядываюсь в снимки, сделанные папарацци. Журнал сегодняшний, значит, они свежие. Тео пожимает руку какому-то мужчине. Статья гласит, что планируется открытие клубов в Лос-Анджелесе. Вот так: от изнасилований до открытия клубов... Мой взгляд падает на запястье Тео. Не может быть! Я хватаю в руки журнал и пытаюсь разглядеть неважного качества снимок. У него на запястье черная фенечка, которую сплела я... а на ее внутренней стороне написано «Ниса». Почему он носит ее? Зачем?

– Мадемуазель, журнал стоит 3,5 евро, – подает голос продавец и бросает на меня брезгливый взгляд. Мои вещи покрыты краской – я не успела переодеться после студии. – Либо покупайте, либо положите на место, – раздраженно бросает он.

Все еще ошеломленная, я кладу журнал на место. Мне точно надо переодеться. С этими мыслями я захожу в «Монопри». На первом этаже отдел с вещами. Хватаю новую футболку ярко-малинового цвета, темно-синие джинсы и черный пиджак.

– Не хотите подобрать аксессуар? – спрашивает консультант. – У нас есть платки.

Он показывает мне синий с малиновыми горошинками. Я хочу сказать, что это будет перебор синего и малинового, но молчу. В конце концов, у каждого свой вкус... или его отсутствие.

– Нет, спасибо. Но я бы хотела оплатить вещи и переодеться в примерочной, скажите, это возможно? У меня очень важная встреча.

– Конечно. Я вас провожу.

¹³ «Монопри» (от фр. Monoprix) – сеть популярных во Франции супермаркетов.

Никогда бы не подумала, что в «Монопри» такие внимательные консультанты. Он идет манерной походкой к кассе, и я следую за ним. Мне везет: в это время здесь нет очереди, и меня быстро обслуживают.

– Вам бы пошло то платье на витрине, – говорит парень.

Я бросаю взгляд на витрину, но вместо платья на улице вижу тех самых мужчин, которые преследовали меня в Галери. Я роняю покупки. Консультант смотрит на меня, затем переводит взгляд на витрину.

– Что-то не так? – аккуратно спрашивает он.

– Мне срочно надо переодеться... Скажите, здесь есть второй выход? – взволнованно спрашиваю я.

Мужчины изучают толпу на автобусной остановке, а также салоны такси.

– Здесь только один выход, – словно извиняясь, говорит парень. Затем, проследив за моим взглядом, удивленно приподнимает брови. – Это тебя ищут? – тихо спрашивает он.

Я не отвечаю.

– Где здесь примерочная?

– Там, пошли быстрее. – Он поднимает пакет с моими покупками и тихонько тянет за руку в сторону примерочной. – Вот, переодевайся.

Я прячусь за шторами. Руки трясутся, и пальцы не слушаются, но я снимаю свою перепачканную краской одежду и сую ее в пакет. В новой я выгляжу гораздо приличнее.

– Я заказал тебе «убер», он уже ждет у служебного выхода, – тихо шепчет парень. – Довезет тебя до башни Монпарнас, хорошо?

Я выхожу из кабинки и смотрю на парня. На вид ему лет 19. На ногтях облупленный черный лак, на глазах подводка. Тянусь в сумку за деньгами и вытаскиваю 500 евро. Купюры меньше у меня нет.

– Вот, возьми. – Я протягиваю ему деньги, но он поднимает на меня удивленные глаза и делает шаг назад.

– Нет, оставь себе. Тебе они точно нужнее. – Он взъерошивает темные волосы. – Пошли, доведу до выхода. Надеюсь, мы не попадемся на глаза менеджеру.

Мне хочется сказать ему, что у меня в сумке 80 тысяч евро наличкой – 160 купюр по 500 евро, аккуратно сложенные в конверте, пачка весом не больше 150 граммов. Я всегда ношу все свои деньги с собой. У меня нет уверенности в том, что не придется бежать в любую секунду своей жизни. Сегодняшний день тому подтверждение.

В прошлом месяце был аукцион, на котором представили *внезапно* найденный эскиз Эдуарда Мане. Такая была пиар-кампания... Эскиз хранился у старого аристократического рода более 150 лет. Прапрадед семейства дружил со знаменитым художником. И вот сейчас внуки решили продать его. На эскизе была изображена голая женщина. Времена меняются, нравы и воспитание тоже. Но голое тело всегда будет продаваться за баснословные деньги, потому что вызывает восторг у обоих полов. Эскиз купил шейх в Лувр Абу-Даби за 650 тысяч евро. Я сидела рядом с Огюстом в последнем ряду и не могла унять нервную дрожь. Все так восторгались этой работой, и никто из них не знал, что автор данного эскиза сидит вместе с ними в одном зале.

– Торопись, – тихо шепчет мне парень.

Он проводит меня в служебное помещение. Я опускаю голову и стараюсь ни на кого не смотреть, чтобы не привлекать внимания. Тихо переставляю ноги по потрепанному светлому кафелю.

– Нам сюда, – бормочет он и открывает маленькую пластиковую дверь. – Белый «рено».

– Спасибо, – благодарю я. В руках все еще купюра. Мне неловко, и хочется как-то его отблагодарить. – Может, возьмешь?

Он вновь качает головой.

- На твоём месте я бы поспешил.
- Спасибо... – повторяю я.
- Удачи тебе, – бросает он напоследок.
- Я запрыгиваю в машину и здороваюсь с водителем.
- Куда именно вам надо на Монпарнасе?
- Можете высадить меня у любого кинотеатра?
- Конечно.

Водитель заводит машину и аккуратно трогается с места. Я неловко машу своему юному спасителю. Он делает то же самое, а затем исчезает за дверью. Я даже не спросила, как его зовут. А надо было. Жаль, что он останется для меня безымянным человеком.

«Убер» отъезжает от магазина, и я провожаю взглядом людей, которые бегают в поисках меня. Никогда бы не подумала, что они так быстро вычислят Габриэля. Я отсаживаюсь от окна, чтобы никто ненароком меня не увидел.

Мой телефон начинает звонить. Незнакомый номер высвечивается на экране. Этот мой номер знают только три человека: Огюст, Джош и Габриэль, который купил мне телефон и оформил сим-карту на свое имя. Я отвечаю на звонок и подношу трубку к уху. Молчу – жду, когда человек на том конце что-то скажет.

– Я знаю, что это ты, Ниса. – Тихий, глубокий голос вызывает мурашки по телу. – Остановись, не убегай, давай поговорим.

Я качаю головой. Знаю, он не видит меня. Но слова застревают где-то в горле. Воздуха начинает не хватать. Я открываю окно, и ветер бьет в лицо, делаю несколько судорожных громких вздохов. Отключаюсь и выкидываю телефон в окно. Слышу, как он ударяется об асфальт и разбивается.

Никаких встреч, Тео...

Глава 8

Le passé

Это случилось спустя семь месяцев после моего признания, на которое он не ответил. Я сидела с мамой на диване, перечитывала «Гарри Поттера», листала любимые моменты из «Ордена Феникса» и вспоминала свое детство. Впервые все книги прочитала мне мама. Она с такой любовью погружала меня в этот волшебный, магический мир, что у меня не осталось никаких шансов. Я полюбила мальчика, который выжил. Мальчика, дарующего надежду на то, что зло никогда не победит. В дверь постучали. Стук был такой неуверенный, едва слышный, что мы с мамой переглянулись.

– Кто-то стучит? – спросила она.

Стук послышался вновь. Два коротких удара о деревянную дверь.

– Пойду посмотрю. – Я поднялась с дивана, отложив раскрытую книгу на журнальный столик.

Стук из тихого и неуверенного в одно мгновение превратился в яростный удар кулаком. От неожиданности я подскочила на месте.

– Может, это Клэр? – дрожащим голосом спросила мама.

Моя сестра не звонила, не писала последние семь месяцев. Студия, которую снимали ей родители, пустовала. Моя мать по привычке каждую неделю обзванивала больницы и полицейских, но никакой информацией они не обладали. Тео сказал ей, что Клэр в порядке и иногда выходит на связь. Именно поэтому ее не объявляли в розыск. Она исчезла, но только для нас.

За те полгода мама постарела и осунулась. Стоило мне выйти из дому, она начинала звонить и спрашивать, где я. А ходила я только в школу...

Мой выпускной класс начался со звонков посередине урока. Мама не могла контролировать свое беспокойство и тревогу. А я не знала, как ей помочь... Поэтому отпрашивалась, выходила из класса и отвечала на ее звонки.

После школы мчалась домой и вот так сидела с ней на диване дни напролет. Отец пропал на работе. Он справлялся со стрессом иначе. Быть рядом – единственное, что я могла сделать, чтобы поддержать маму.

Стук не прекращался, по двери яростно барабанили. Но я не могла сдвинуться с места. Все тело оцепенело.

– Откройте! – орала моя сестра.

Но... я так сильно не хотела открывать эту дверь. Мне так сильно хотелось, чтобы она ушла. Ушла навсегда.

Мама оказалась быстрее и расторопнее. Она открыла дверь одним рывком и сразу же повисла на шее у блудной дочери. То, с какой силой она обнимала ее, разбивало мне сердце.

– Ты пришла... – Она по-матерински погладила по лицу свое дитя, тихий всхлип сорвался с ее губ.

Клэр нахмурилась.

– Только не устраивай драму на пустом месте, – недовольно пробормотала она, сделав шаг назад.

В тот момент я подумала, что лучше бы она умерла. Раз и навсегда. Просто-напросто исчезла из нашей жизни. «Лучше бы ее вовсе не было», – кричала я про себя, борясь с собственными эмоциями, чтобы не произнести этого вслух. Толком не понимая, чего именно желаю. Бойтесь своих желаний... Сейчас я осознаю весь горький и пугающий смысл этой фразы. Тогда же юношеский максимализм, жажда справедливости и праведная злость вперемешку с иступленным гневом смотрели на сестру и мечтали уничтожить ее одним взглядом. Стереть ее с лица земли за все слезы моей мамы, за все вечера, которые я проводила в доме, за все бессон-

ные ночи и спрятанные под кроватью рисунки. За всю ту боль, что она причиняла нам. Клэр же на меня даже не посмотрела, словно я пустое место и меня вовсе не существует. Мама неловко выпустила ее из объятий и отошла от нее, открывая моему взору то, на что стала похожа моя сестра. Она выглядела совсем мальчишкой в черном худи оверсайз и прямых широких джинсах. Волосы были сбриты под ноль. Макушка поблескивала под лампочкой в коридоре. Под карими глазами залегли глубокие круги и морщины, щеки запали. Ей было 26 лет, но выглядела она значительно старше.

– Ты совсем исхудала, – тихо прошептала мама.

Было видно, что она изо всех сил борется со слезами, которые душили ее и рвались наружу.

– Не начинай, – буркнула Клэр. – Мне надо в туалет.

Она мельком взглянула на меня и, потупив глаза, пошла вниз по коридору в уборную. Мама подошла ко мне. Дрожащей рукой схватила мою кисть.

– Она пришла, Ниса... она пришла.

Мне хотелось сказать: «Ты же знаешь, что это ненадолго», однако я не смогла, глядя в ее заплаканные глаза, произнести вслух эти слова.

– Хотя бы она осталась... – будто прочитав мои мысли, сказала мама, и в ее голосе было столько надежды. Мое сердце защемило от жалости.

– Надо позвонить папе, может, он уговорит ее пойти к врачу, – продолжила она озвучивать мысли вслух.

Они пытались заманить Клэр к психотерапевту последние два года. В прошлый раз во время разговора она запустила стаканом в стенку и, хлопнув дверью, исчезла на семь месяцев.

– Давай пока не говорить ей об этом. Пусть успокоится и... почувствует себя... – я запнулась и тихо добавила: – ...дома.

Мама крепче стиснула мою руку.

– Ты права. Ты абсолютно права. Давай накроем на стол, она, скорее всего, очень голодная. – Мама потянула меня на кухню и суетливо начала доставать продукты из холодильника. – Думаешь, она захочет курицу? Или лучше запечь рыбу? У нас еще есть сте...

Договорить она не успела. Из ванной комнаты послышались нечеловеческие вопли и звук битого стекла. В этот раз оцепенела мама, а я со всех ног помчалась в ванную. Дверь была заперта. Крики становились громче. Звук битого стекла не прекращался. Страх заполнил мое сердце. Сама не своя, я помчалась к отцовским инструментам и вытащила отвертку. У меня тряслись руки, лоб покрылся испариной. Очередной громкий вопль сотряс воздух, и я со всех ног побежала к ванной. «А что, если она пытается себя убить?» – пронеслось у меня в голове, и эта мысль затормозила меня. «Должна ли я позволить ей это сделать?» – спросил меня внутренний голос. Лишь на секунду я замешкалась. К горлу подступила тошнота, а зрение затуманилось. Все слилось. Но я сделала глубокий вдох и, моргнув несколько раз, приказала себе взять себя в руки. Одним движением я повернула отверткой защелку двери. И тут же резким рывком толкнула ее. Дверь с громким хлопком стукнулась о стенку. Клэр даже не пошевелилась. Она стояла, опираясь двумя руками о раковину, и смотрела в зеркало. Паутина трещин тянулась по его поверхности. Кое-где не хватало огромных кусков. Глаза моей сестры с животным безумием вглядывались в свое разбитое отражение. За моей спиной ахнула мама. Клэр резко дернулась, она наконец увидела что-то помимо себя. Она увидела меня. Янтарно-карие глаза вглядывались в мои. В них было столько терзаний и боли.

– Зачем? – тихо прошептала я непослушным голосом.

Она приподняла подбородок и еще раз посмотрела в зеркало.

– Так оно показывает действительность, – низким голосом ответила она и плюнула в свое отражение.

Мама позади меня завывала. Клэр лишь закатила глаза от ее слез. А я не могла больше там находиться. Слишком много всего навалилось на меня. Воздуха в груди не хватало. Я выбежала в коридор, схватила первые попавшиеся балетки из обувницы и пулей вылетела из квартиры.

– Беренис! – Мамин крик разлетелся по лестничной площадке.

Но я не могла вернуться в эту квартиру. Я не могла дышать в ней. Не могла смотреть на свою сестру и мать. Я мечтала быть как можно дальше от них. Потеряться в этом городе. Уйти и не вернуться. Я выбежала из здания и помчалась к ближайшей станции метро. Мне хотелось уйти из этого района, убежать из этого города. Проездного с собой не было. Я прошла через поручень за парнем, который одарил меня милой улыбкой, а я сделала вид, что не заметила ее. «Как вы живете?» – хотелось мне спросить у людей вокруг. Каково это – жить без сумасшедшей сестры? Каково это – иметь возможность выходить из дома и не получать миллион сообщений от матери? Каково это – быть свободной и делать что считаешь нужным? Каково это – быть улыбочивым и счастливым? Я села на лавочку и судорожно ловила ртом воздух. «Только не паническая атака, – думала я. – Пожалуйста, только не она». Поезд с шумом и грохотом остановился, люди в спешке запрыгивали в него. Послышался предупреждающий гудок о закрытии дверей. И неожиданно для самой себя я подскочила с места и успела влететь в вагон. Все вокруг смотрели на меня как на сумасшедшую. Опустив глаза, я нашла пустое место и села. Я пожалела, что не взяла с собой карандаш и блокнот. Рисование успокаивало. Я выплескивала эмоции и чувства на бумагу. Это было моим выходом, чтобы окончательно не свихнуться. Это было моим способом убежать из этой реальности. Я закрыла глаза и тихо спросила себя: «Чего тебе хочется, Ниса?» Мне хотелось оказаться в другом мире. В мире искусства, картин и творцов. В Париже есть такое место. Я встала и направилась к карте метро. Мне нужно было на Монмартр. И именно туда я поехала.

Помню, вышла из метро и пошла по брусчатой улице. Кроны деревьев были покрыты золотой и пурпурной листвой. Я шла, шелестела сухими листьями, вдыхая дождливый, влажный воздух. Свинцовое небо, низкие тучи ярко олицетворяли меланхолию моей души. Мне было стыдно перед матерью за свой побег, но я не могла иначе. Мне необходимо было выбраться из дома. Это были долгие семь месяцев тюрьмы. Мне не хватало кислорода в нашей просторной квартире. Я была эмоционально истощена тревогой и чувством страха. Долгих семь месяцев я смотрела на вечно встревоженное лицо матери и поникшего отца. Клэр не объяснялась, а они себя изводили. «Это моя вина», – причитала мама. В такие моменты я обвиняла ее и шептала, что это не так. Что она лучшая на свете. Любящая, добрая и отзывчивая. Но что бы я ни говорила, мои слова пропускали мимо ушей. Мы знали, что Клэр утопала в депрессии. Но она отчаянно не принимала никакую помощь... Мы действительно не могли ей помочь, как бы сильно ни хотели спасти и какими бы благими ни были наши намерения. Она отказывалась смотреть правде в глаза, увидеть свою проблему, признать ее существование. И если Клэр страдала сама по себе... то я страдала вместе с родителями.

Я старалась изо всех сил быть идеальной версией себя. Контролировать эмоции и чувства. Не взрываться, не раздражаться, не злиться и не обижаться. Всегда ходить с улыбкой на лице, всегда отвечать бодрым голосом, всегда быть рядом с ними. Но порой, как в тот день, гнев и страх были сильнее. Все эмоции внутри превращались в сгусток иступленной злобы, перекрывая мне поток кислорода. Я научилась скрывать свои панические атаки. Я научилась прятать свои рисунки. Я научилась жить, не доставляя проблем. Тише воды ниже травы. Существовать. Я боялась представить, что случится с мамой, узнай она, что и младшая дочь решила заняться живописью. Искусство в нашем доме стало символом боли, страданий и безысходности. Мыслей в моей голове было так много, что она трещала по швам. А Монмартр успокаивал. Может, потому что это место принадлежало художникам? Мне так отчаянно хотелось почувствовать себя частью чего-то большего. А именно в этом районе Парижа когда-то тво-

рили и создавали историю живописи. Медленными шагами я подошла к Сакре-Кёр¹⁴, но заходить в базилику не стала. Разговоры с богом казались мне бессмысленными. Поэтому я села на ступеньки и устремила взор на город. Самая высокая точка Парижа. Холм, возвышающийся над городом огней. Весь он был словно на ладони, лишь туманные тучи прикрыли верхушки «железной дамы». Я не помню, сколько времени так просидела. Было зябко, пальцы окоченели; из-за повышенной влажности я чувствовала, как волосы начинают пушиться. Нос покраснел от холода, щеки покрылись алым румянцем. В какой-то момент по ним полились ручьем слезы. Я не могла остановиться, они текли и текли. А я размазывала их по лицу, отчего оно сильнее замерзло.

Не знаю, что именно он там делал. Но он молча сел рядом со мной, согнул длинные ноги в коленях и оперся о них руками. Я почувствовала запах морского залива и медленно повернула голову.

– Тео. – Его имя тихим шепотом сорвалось с моих губ.

В неверии я моргнула несколько раз, но он все еще находился передо мной. Я подняла руку и едва уловимым движением погладила его небритую скулу.

Голубые глаза смотрели в мои. А я разглядывала правильные черты его задумчивого лица, которые без устали рисовала вот уже несколько лет. Темные волосы пребывали в беспорядке. На нем была черная кожаная куртка поверх простой белой футболки.

– Веришь ли ты в судьбу, Ниса? – тихо спросил он.

Глубокий приятный мужской голос звучал напряженно. Я непонимающе нахмурилась.

– Да или нет? – задал он новый вопрос, внимательно вглядываясь в мое лицо.

– Не знаю, – растерянно ответила я. – А ты?

Он не ответил, потянулся в карман за сигаретой и закурил. Дым вылетал из его рта, окутывая легким туманом. Он больше не смотрел на меня. Всецело сосредоточился на панораме города.

– Что привело тебя сюда? – неожиданно спросил он. Его взгляд бродил по мне изучающе, напряженно.

Вопрос застал меня врасплох, как, собственно, и его внезапное появление. Я была слишком ошарашена, и вся гамма чувств отражалась у меня на лице. Я отвернулась от него, прячась за волосами. Врать не хотелось, отвечать честно не хватало смелости. Рассказывать о своей жизни и терзаниях казалось неправильным. Я привыкла держать все в себе. Сказать ему, что он мне нравится, – это одно. Признаться в своих страхах, переживаниях и раскрыть ему свою душу – в тот момент мне это было не под силу. Он понял мой молчаливый ответ и не стал настаивать.

– Хочешь посмотреть на мастерскую Ренуара?

– Огюста Ренуара? – широко раскрыв глаза, переспросила я.

Выражение лица Тео преобразила легкая усмешка.

– Именно.

– Она здесь, на Монмартре?

Тео встал со ступенек и протянул мне руку.

– Музей Монмартра. Здесь в конце девятнадцатого века он открыл свою первую мастерскую.

Я вложила свою прохладную кисть в его ладонь. Одно маленькое прикосновение, но я покрылась мурашками. Он нежно провел большим пальцем по моей коже.

– Ты совсем замерзла.

¹⁴ Сакре-Кёр (полное название *Basilique du Sacré-Coeur* – «базилика Святого Сердца») – католический храм в Париже, известный памятник архитектуры.

– Мне не холодно, – ответила я, глядя ему в глаза. – Напротив, становится тепло... когда ты прикасаешься ко мне.

Тео замер; было видно: он не знает, что мне ответить. Он аккуратно потянул меня вверх, помогая встать со ступенек.

– Значит, Ренуар и его первая мастерская, – неловко откашлявшись, пробормотал он себе под нос. – Нам в ту сторону.

– Что тебя связывает с моей сестрой? – твердо спросила я.

Мне нужно было знать. Бабушка была уверена в том, что они встречаются. Ее старческие мечты оказались простыми: свадьба Тео и Клэр и парочка внуков. Мама на эти разговоры не реагировала. Она мечтала, чтобы Клэр бросила рисовать и больше никогда не брала карандаш в руки. Отец говорил о Тео с теплотой и благодарностью. Но я так и не могла понять: между ними дружба, любовь или же что-то еще?

Тео бросил на меня озадаченный взгляд.

– Не понял вопроса. – Он выпустил мою руку и спрятал свою в карман.

Он был напряжен, избегал моего открытого взгляда, держался на расстоянии. Словно боялся подойти ближе.

– Вы встречаетесь? – спокойно спросила я и сделала несколько шагов к нему навстречу, наши плечи соприкоснулись.

– Нет, – нехотя ответил Тео и вновь увеличил расстояние между нами.

– А девушка у тебя есть?

Он резко повернул голову и одарил меня хмурым взглядом.

– К чему эти вопросы, Беренис?

– Вау, я стала Беренис?

– Это твое имя, нет? – В его тоне сквозило раздражение, он будто пожалел, что встретил меня.

Меня задело подобное поведение. Он отвернулся и продолжил идти, а я остановилась.

– Я никуда с тобой не пойду. – Я потянула рукава толстовки, пряча за ними пальцы.

Тео выглядел сбитым с толку.

– У тебя есть какие-то планы? – осторожно поинтересовался он.

– Нет, – равнодушно пожав плечами, ответила я.

– Тогда в чем дело, Ниса?

– А теперь я Ниса? – задрав подбородок, спросила я.

Тео подошел ко мне вплотную, голубые глаза напоминали грозное небо.

– Мне двадцать шесть, Ниса, тебе семнадцать, и моя личная жизнь не должна тебя волновать. Лучше тебе унять свою детскую фантазию.

– Мне через месяц восемнадцать, и у меня есть своя личная жизнь, так что расслабься.

Я вся внутренне кипела от его хамства и грубости. Но я хорошо умела держать эмоции под контролем. Отвернувшись от него, я пошла по улице, словно этого разговора вовсе не было, а самого Тео не существует. Он поймал меня за локоть:

– Стой.

Продолжения не последовало.

– Стою, – язвительно ответила я.

– Я все еще хочу показать тебе Ренуара, там как раз выставка.

– А я не хочу ничего с тобой смотреть, – с милой улыбкой ответила я, – так чтопусти меня, ты ясно дал понять, что не желаешь моей компании.

Он нервным движением взлохматил волосы:

– Как с тобой сложно!

– С тобой тоже непросто.

Он кивнул и неожиданно признался:

– Когда ты так смотришь на меня и когда говоришь... – Тео запнулся.

– Говорю?

Он посмотрел мне в глаза:

– О тепле моих прикосновений или о том, кого именно рисуешь. Я не знаю, как правильно реагировать на это.

Я подошла к нему ближе. Он возвышался надо мной на голову и пристально вглядывался в мое лицо.

– Реагируй честно. Правдой на мою правду, Тео. Вокруг слишком много лжи и игр. Не знаю, как тебе, но мне от этого тошно.

– Порой честно – не значит правильно, – тихо ответил он.

Я задумалась.

– Такое ощущение, будто тебя пугает правда.

– А тебя нет?

Я покачала головой:

– Пугает безысходность.

– Что ты имеешь в виду?

– То, что я вынуждена спать с матерью, ведь она панически боится, что я тоже исчезну. Я просыпаюсь с мыслью, что сегодняшний день будет похож на вчерашний. Мне приходится выходить из класса, чтобы ответить на ее звонок и сказать, что со мной все в порядке. – Я говорила это все спокойным, умиротворенным тоном. – Тео, она звонит мне каждые 20 минут, когда меня нет дома. Я прячу свои работы под кроватью, а могу рисовать лишь ночами. Она засыпает, и я выбираюсь из постели со страхом, что она проснется и застучает меня. В моей жизни слишком много недосказанного. Поэтому, нравится тебе или нет, ты слышишь всю правду, такой, какая она есть.

– Иди сюда, – тихо позвал он и крепко обнял меня.

Я уткнулась носом ему в грудь, вдыхая аромат одеколона. Он нежно погладил меня по спине, а я медленно просунула руки ему под куртку и обвила их вокруг его тела, крепко прижавшись к нему. Рядом с ним было так тепло.

– Ренуар и Алина Шариго, – тихо начала я, – у них была разница в возрасте двадцать лет. Он любил ее, она позировала ему и все прощала, потому что тоже любила.

Касание его рук успокаивало, ощущение его крепкого тела под моими пальцами умиротворяло.

– Они познакомились на Монмартре. Он сидел вместе с Моне в молочной мадам Камий, когда впервые увидел ее, – прошептал мне на ухо Тео.

– Как думаешь, что он почувствовал в их первую встречу?

Тео немного отстранился и заглянул мне в лицо.

– Он решил, что она убийственно милая, а затем подумал, что ему чертовски сильно хочется увидеть ее голой.

Я удивленно приподняла брови.

– Думаешь, он сразу же захотел раздеть ее?

– Конечно, а чего ты ожидала от человека, который говорил: «Я продолжаю работать над обнаженной натурой до тех пор, пока мне не захочется ущипнуть холст», – с легкой усмешкой ответил Тео.

Я вылупилась на него во все глаза и громко расхохоталась:

– Ты сейчас серьезно?

– Абсолютно, – с доброй улыбкой сказал он. – Ты видела его картины? Его авторству принадлежит очень много работ в жанре ню: «Обнаженная», «Большие купальщицы» и далее по списку.

– Я читала о нем, знала о его страсти и похождениях. Но я никогда не предполагала, что первое, о чем думают мужчины при виде женщины, – как раздеть ее...

Тео пожал плечами.

– Это неправда, мы не думаем так о каждой женщине.

– Когда последний раз ты думал об этом? – с любопытством спросила я.

– Очередной бестактный вопрос, – отворачиваясь, сказал он.

Я положила руку ему на лицо.

– Посмотри на меня, – тихо попросила я. Голос не слушался, а сердце от волнения выпрыгивало из груди. – Ответь. Честно.

Когда он наконец посмотрел на меня, в его взгляде был целый ураган. Он ничего не ответил, но мне не нужны были слова, чтобы понять недосказанное.

– Значит, «убийственно милая», – хитро сверкнув глазами, сказала я.

Он смущенно улыбнулся:

– Именно.

Я встала на носочки и прошептала ему на ухо:

– Я могу тебе попозировать.

Он в неверии покачал головой и взял меня за руку.

– Как-нибудь потом, – с неловкой ухмылкой бросил он.

– «Как-нибудь» – отвратительное слово.

– Давай обсудим все это лет через пять? – Он попробовал перефразировать.

– Ты не выдержишь пять лет, – нагло заявила я.

Он остановился и бросил на меня насмешливый взгляд.

– А ты выдержишь?

– А я и не строю подобных планов.

Он громко усмехнулся.

– На данный момент у меня лишь один план, – сказал он и двинулся вперед.

– Какой именно?

– Покажу тебе выставку Ренуара, а потом довезу до дома.

– Первый пункт мне нравится, второй не очень-то, – честно призналась я.

Он крепче стиснул мою ладонь, беззвучно успокаивая и намекая на то, что все будет хорошо. Я знала, что не будет. Однако спорить с ним и тратить наше время на нытье не планировала. Его рука в моей руке. Что еще имело значение? Я до сих пор не знаю, как именно он там оказался. Что его привело на Монмартр в дождливый осенний день, что он искал там и как нашел меня. Наверное, надо было спросить. Но трепет в душе, который рождался рядом с ним, притуплял все остальные чувства и мысли. Мне казалось, что я создана для того, чтобы он держал меня за руку. Это ощущалось таким правильным...

Глава 9

Le présent

Нормандия встречает меня легким летним ветерком. Колыбель импрессионистов. Мне даже интересно: возможно ли, что я в прошлой жизни жила именно здесь? Перерисовывала домики Онфлёра или же восход солнца над Гавром. А быть может, упивалась красотами Этрета. Я абсолютно точно гуляла по пляжу Трувиля¹⁵, вдыхая соленый морской запах и вдохновляясь им для своих картин. В прошлой жизни я могла быть одним из знаменитых художников, творивших историю искусства именно в этом уголке мира. В этой жизни я девушка в бегах. Преступница.

В искусстве существует три вида преступлений: похищение шедевров, уничтожение по идеологическим мотивам (вспомним, как в Ватикане статуям отбили гениталии, – вандализм чистой воды), ну и последнее... подделки произведений искусства с целью замены краденого оригинала. Такое в моей биографии есть, что уж скрывать. Но это тоже искусство, а также целая наука. Для подделки картин XVII века изготавливаются специальные краски, фенолформальдегид и естественные масла. При подделке картин XIX века можно вполне обойтись без лишних сложностей. Здесь мы чаще используем современные компьютерные методы печати на холсте, а с помощью специальных лаков добиваемся старения. Лаковое покрытие дает трещины уже через несколько дней после нанесения. Моей первой работой был Климт и его портрет Элизабет Ледерер. Интересно, отличил бы сам Густав наши работы... понял бы, что это произведение – не творение его рук? Или же яркий представитель австрийского модерна позволил бы себя одурачить точно так же, как и хозяин коллекции? Поль Фабио Ронае¹⁶ любезно выписал свою картину на выставку в один парижский музей. Вернули ему подделку, оригинал продали на черном рынке за два миллиона одному итальянскому мафиози. Не знаю, зачем ему понадобился портрет этой девицы, – на мой вкус, он слишком бледен и дама на нем выглядит словно живой труп. Я не особый любитель такого количества фиолетовых оттенков в одной работе. Искусствоведы часто описывают баронессу Элизабет Ледерер как воплощение молодости и изысканности. Честно сказать, я не вижу там ничего из перечисленного. Элизабет было 20 лет, когда Густав изобразил ее. И было это в 1914 году. Больше, чем само описание картины, меня смешит, что спустя 100 с копейками лет юная баронесса висит у одного из главных сицилийских головорезов. Искусство и преступления идут рука об руку. Искусство и преступление не существуют порознь. С тех пор, к моей радости, я больше Климта не подделывала. Огюст позволил мне выбирать работы, он хотел, чтобы я наслаждалась процессом своего злодеяния. Я не наслаждалась. Я ненавидела себя. Но ему не было до этого никакого дела. *Помяни дьявола...*

Я тяжело вздыхаю и подхожу к нему. Огюст стоит перед красивейшим Руанским собором, внимательно разглядывая каждую деталь.

– Потрясающе, правда?

– Правда, – тихо отвечаю я.

– Прекрасная готика. Моне был покорен им. Ты посмотри на этот шпиль, на эти башни.

Я задираю голову вверх, чтобы разглядеть каждую деталь огромного сооружения. Он действительно пленяет взор.

– Там стоит огромный крест, на месте, где сожгли Жану д'Арк. Вот круговорот жизни, не находишь? Вначале сожгли на костре, а после причислили к лику святых.

Молчу – философствовать с ним не хочется.

– Как ты нашел меня?

¹⁵ Гавр (Le Havre), Этрета (Étretat), Трувиль-сюр-Мер (Trouville-sur-Mer) – французские города.

¹⁶ Имя является авторским вымыслом.

– Я тебя и не терял. – Огюст улыбается, морщинки вокруг глаз становятся глубже. Он как ни в чем не бывало продолжает: – Знаешь ли ты, что Моне посвятил этому собору целый цикл? Всего он написал тридцать пять картин, из них двадцать восемь видов самого собора вблизи, четыре общих городских плана Руана с явным акцентом на собор, три вида примыкающего к собору двора Альбана.

Я пожимаю плечами и нехотя поддерживаю разговор:

– Да, знаю.

– А знаешь ли ты, что была организована целая выставка «Соборов»? – Огюст поворачивает голову и смотрит на меня насмешливым взглядом. – Этого я тебе не рассказывал. До окончания выставки было продано восемь картин. Моне хотел, чтобы оставшиеся двадцать продавались не по одной картине, а всей серией – притом что каждая из них оценивалась в пятнадцать тысяч франков. В то время это были баснословные деньги, Беренис.

– Ему удалось продать их?

– Да, но, вопреки воле художника, «Соборы» были проданы разным лицам, и сегодня они хранятся в музеях Франции, Соединенных Штатов и России... быть может, где-то еще – например, в частной коллекции какого-нибудь обедневшего аристократа, который решит распрощаться с наследством, что думаешь?

Я понимаю его намеки и не могу сдержать возмущения.

– Ты же сказал, что моим следующим художником будет Ренуар.

Огюст улыбается. Это добрая, светлая улыбка, за которой умело скрывается раздражение.

– У нас могут поменяться планы, не так ли?

Я качаю головой:

– Мне это не под силу. Только Моне мог превратить эту огромную массу известняка в чистую вибрацию света.

Огюст щелкает языком:

– Не будь к себе столь строга. Между прочим, он жил вон в том здании, снимал комнату напротив собора. Угадай, кто теперь будет жить там.

Я смотрю на него в неверии. Он управляет мной, словно марионеткой.

– Огюст, он так мастерски передавал свет через цвет и показывал его изменения. Вся его философия строится на иллюзиях: свет не существует сам по себе, а возможно, и материя не существует. Все вокруг обман.

– А разве это не правда жизни, Беренис? Все вокруг не иллюзия?

Я пожимаю плечами и отворачиваюсь от него.

– Ты слишком хорошо его знаешь. Это прекрасно, твои знания пригодятся делу, а сейчас пошли.

– Куда? – растерянно спрашиваю я.

Он подбородком указывает дорогу.

– Нас ждет машина, в Нормандии сейчас фестиваль импрессионизма. В данный момент творения Моне находятся в Руане, я обязан показать тебе их.

У меня в любом случае нет выбора. Я послушно слеую за ним. Водитель выходит из машины и учтиво приоткрывает перед нами дверцы. В салоне пахнет дорогой кожей и играет классическая музыка. Огюст молча проверяет свой телефон, я же смотрю в окно и стараюсь подавить внутреннее бессилие. Городок очень маленький, и мы приезжаем на нужное место очень быстро.

– Давай шустрее, Беренис. У меня появились дела, – торопит меня Огюст.

Он явно здесь не впервые и прекрасно знаком с экспозицией. Я слеую за ним по пятам. Огюст резко останавливается, и я чуть ли не спотыкаюсь о собственные ноги.

– Закрой глаза, – с наигранным волнением просит он. – Ну же!

Какой же он театрал! Я тяжело вздыхаю, но просьбу выполняю. Огюст аккуратно берет меня за руку и тянет в сторону. От неожиданности я вздрагиваю, а он провозглашает:

– Узрей это воочию, Беренис!

Приоткрыв глаза, я вижу картины. Минуту изучаю их. Чувствую, как по коже бегут мурашки. На всех трех изображен грандиозный фасад собора. На нем отражаются сложные эффекты преломляющегося света. Я не могу подавить восхищение, вид этих работ заставляет меня потерять дар речи. На одной из них камень будто плавится в струях заходящего солнца. На другой же в утренние часы фасад погружен в фиолетовую тень, прорезываемую вспышками оранжевого света. Вверху полотна голубое небо, каменные арки над фасадами утопают в нем, где-то растворяется в тени узор окна. Исчезают четкие линии и границы между отдельными элементами конструкции, все становится единым целым. На другой картине полуденное солнце полыхает на освещенных гранях архитектурного сооружения медово-золотистым пламенем, свечение исходит как бы изнутри камня. Здесь нет пространства, объема, тяжеловесности, фактуры материала. Игра света порождает призрак собора. Это невероятно до такой степени, что я не нахожу слов.

Чувствую, как Огюст оглядывает меня довольным взглядом.

– Теперь понимаешь, почему я привел тебя?

Молча киваю, продолжая впитывать в себя невероятные краски картины.

– Тебе что-нибудь говорит имя Теодор де Лагас? – внезапно спрашивает он.

Тема разговора резко меняется. Я замираю на месте, но быстро беру себя в руки. Замешкавшись секунд на пять, я наконец качаю головой:

– Нет, а что?

– Он в поисках Моне для своей коллекции. – Огюст изучает мое выражение лица.

Мимо старческих глаз не проходит то, как краснеет моя шея и как я стараюсь делать вид, что все в порядке. Но, несмотря ни на что, я упорно стою на своем:

– У меня все равно ничего не получится.

– Ты говоришь так всякий раз, – с ухмылкой отзывается он и, сунув руку во внутренний карман пиджака, достает телефон. – Это тебе, ведь твой неожиданно превратился в грудку пластмассы.

Я протягиваю руку и беру у него трубку.

– Я бежала не от тебя, – спокойно сообщаю я.

Он с любопытством посматривает в мою сторону.

– Знаю. – Огюст замолкает для пущего эффекта и наконец интересуется: – От кого же, Беренис?

Этот вопрос остается без ответа.

– Он спрашивал про тебя.

Я поворачиваю голову и встречаюсь с ним взглядом.

– Кто? – приподняв бровь, задаю я встречный вопрос.

– Никто, – с ухмылкой отвечает Огюст.

Мы друг друга поняли.

Глава 10

Le passé

После той встречи с Тео Ренуар стал моим любимым художником. Жанр ню покорила меня. Я находила в интернете статуи эпохи Возрождения и античные произведения древних греков. Ночами вырисовывала мышцы и строения точеных тел. В те времена я жила на чистом адреналине. В ожидании ночи, когда наконец смогу взять грифель в руки и насладиться его легким шуршанием о бумагу. «Давид» Микеланджело, Геркулес и Какус, созданные рукой Бандинелли. Помню, как я наткнулась на статую Ареса Людовизи и покрылась мурашками, глядя на картинку на экране... Бог войны был изображен обнаженным. В его теле чувствовалось столько силы, в лице твердая уверенность. Его показали сидящим на скале. В левой руке он держит меч; у его ног маленький Амур играет со щитом и шлемом – намек на любовные отношения Ареса и Афродиты. В нем ощущалась не просто сила, но и мудрость, несмотря на то что скульптор создал его молодым. И нечто большее. Неуловимое, но столь цепляющее. Характер. Вот что привлекало меня. И восхищало, как творцы, используя тело, показывали душу.

Меня поражали подобные тела с хорошо развитой мускулатурой. Я с маниакальной точностью пыталась воспроизвести все до мельчайших деталей. Книжки по анатомии сопровождали меня ночами. Я изучала человека изнутри. Утром просыпалась с гулко бьющимся сердцем и желанием, чтобы этот день поскорее закончился. Я спала 4 часа в день. Но во мне кипели энергия и вдохновение... во мне кипело *возбуждение*. Мне хотелось показать все свои наброски Тео, разделить с ним то, чем жила последние два месяца. Рассказать, как все переворачивается внутри меня, когда я изображаю голое тело. Прошептать ему, что мечтаю нарисовать его таким... *абсолютно голым*. Но мне не хватало смелости. Я могла бы подсмотреть номер его телефона у отца и написать ему. Однако я не делала этого. Я полностью растворилась в своих рисунках. Убежала из реальности. Создала мир только для себя. Порой я думала впустить его внутрь. Рассказать ему о своих чувствах, о том, как вдохновение будоражит меня. Об адреналине в крови. Но что-то внутри останавливало меня. Сложно объяснить. Мне хотелось, чтобы Тео пришел сам. А он не приходил.

Это было 13 декабря. Я запомнила число, так как у меня в тот день была назначена пробная сдача государственного экзамена по математике. Я встала пораньше, хотела собраться с мыслями и без спешки подготовиться к школе. Обычно в это время все домашние спали, папа уходил в офис к 10 утра, мама не работала и вставала лишь к обеду. В то утро отец сидел за кухонным столом с маленькой чашкой кофе. Он не сразу заметил меня, печатал в телефоне, а после выписал резким движением руки что-то в блокнот.

– Доброе утро, – тихо сказала я с улыбкой на лице.

Он поднял усталые глаза и коротко кивнул.

– Доброе утро, моя хорошая.

Выглядел он тревожно, я подошла ближе.

– Ты почему так рано проснулся?

Отец смутился.

– Да так...

Между его бровями залегла складка. Он понурил голову, словно пытался что-то скрыть от меня. Выражение лица растерянное и поникшее. Весь его вид кричал о том, что что-то случилось.

– Что стряслось?

Он тяжело вздохнул.

– Клэр. – Он резко замолк.

– Ты можешь мне сказать, папа.

Я взяла его за руку и заглянула ему в глаза:

– Поделись со мной.

Он неуверенно повел плечами. Было видно, что ему нужно высказаться. Однако он молчал. Я крепче стиснула его кисть.

– Ну же, что случилось?

Он тяжело вздохнул и, откашлявшись, произнес:

– Она пришла ранним утром к Тео и подожгла некоторые его картины.

Я ахнула:

– Кто-нибудь пострадал?

Папа покачал головой:

– Тео проснулся и успел остановить пожар до того, как огонь снес бы все. Не поверишь, но она предусмотрительно выключила пожарную сигнализацию.

– Где она сейчас?

– У него. – Он устало потер виски. – Она вырубилась после случившегося.

– Нам надо забрать ее. – Мой голос звенел от волнения.

– Тише, Ниса. Матери ничего не говори. Она не выдержит еще одного нервного срыва.

Я судорожно закивала, а в глазах собрались слезы.

– Зачем Клэр это делает? – в сердцах спросила я.

Папа опустил подбородок и шепотом произнес:

– Она больна, Ниса. – А затем резко поднял голову и заглянул мне в глаза: – Я записал ее на лечение. Ей нужна помощь. Мы не можем больше ничего не делать. Вдруг она вновь попытается кого-то убить. – Его голос сорвался. – Если бы Тео не проснулся, она бы убила его, Ниса. Сожгла и себя, и его.

– Ты хочешь отвезти ее в психбольницу? – тихо-тихо спросила я.

В его глазах сверкали слезы, глубокие морщины исказили некогда красивое и благородное лицо. Папа поджал губы и коротко кивнул:

– У нас нет другого выбора. У нее едет крыша. Ей нужна помощь специалистов, боюсь, мы слишком долго ждали... – Он запнулся на словах. – Только твоей матери нельзя об этом знать. Она никогда не согласится. Она считает, что психолог в силах все исправить... но... – Он вновь запнулся.

Мы оба понимали, что психолог в данной ситуации будет бессилён. Клэр нуждалась в рехабе. В полноценном лечении.

Я вытерла уголки глаз и сглотнула ком в горле. В своем блокноте отец выписал: «Hôtel de Chambon». Я нахмурилась:

– А это что за отель?

– Там живет Тео. Ее сейчас заберут оттуда.

Тео...

– Он в порядке? – шепотом спросила я.

– Ниса, как он может быть в порядке? Она устроила пожар у него в доме, – с раздражением ответил папа.

Я прикусила губу, молча ругая себя за глупый вопрос.

– А что скажем маме? Если Клэр опять пропадет, она точно сойдет с ума.

– Я скажу, что отправил ее на обучение, – твердо произнес папа: он обдумал все и был уверен в своем решении.

– Она не поверит, – попыталась я высказать свое мнение.

– Но и доказать обратное не сможет.

Я еще раз посмотрела на запись – Hôtel de Chambon. Я не знала, что Тео живет в отеле.

– Не опоздай в школу, – погладив меня по макушке, сказал папа.

Я отрешенно кивнула.

– Когда придут люди, чтобы забрать Клэр?

– Они уже там.

Он встал из-за стола, захватив кофе.

– Все будет хорошо, Ниса, – уверенно произнес он и вышел из кухни.

Интересно, кого он пытался убедить в этом: меня или себя? Я осталась совсем одна. Тревога и страх. Как же сильно я ненавидела эти чувства. Я не позавтракала, собралась кое-как в школу. Надела первую попавшуюся толстовку и джинсы. Схватила сумку, закинула в нее калькулятор и пенал. Все необходимое для экзамена. В коридоре сунула ноги в кеды. Я все делала автоматически, словно робот. Стараясь не думать ни о чем, вышла из дома. Прохладный воздух ударил мне в лицо. Лишь в этот момент я поняла, что забыла накинуть куртку, но подниматься домой не стала. Потянула за капюшон толстовки и натянула его на голову. Школа находилась в десяти минутах от моего дома. Я шла по бульвару Распай, перепрыгивая через лужи. Словно в тумане, завернула на рю де Варенн и подошла к зданию, вокруг которого собрались и горланили ученики. Массивные светло-коричневые деревянные двери с рыжим оттенком были уже открыты. Я смотрела на школьников, которые не спешили заходить внутрь. У них точно не было таких проблем, как у меня. В их груди не билось разбитое сердце, или оно не было разбито так сильно, как мое.

Мне так отчаянно хотелось понять Клэр. Найти ей оправдание, обнаружить причину, почему она так сломалась. Но еще больше мне хотелось обнять Тео и расплакаться у него на груди. Сказать ему, как же я счастлива, что он живой. Что он проснулся и вовремя успел предотвратить непоправимое. И как же мне жаль, что ему пришлось пережить подобное.

– Доброе утро, Беренис! – бодро поздоровалась со мной учительница математики мадам Дебраз. – Ну что, готова?

Учителя меня любили. Я была тихой, не выступала и не проявляла неуважения по отношению к ним. Сдержанная заучка, которая всегда выполняла задания и грызла гранит науки. Дебраз улыбалась мне доброй улыбкой и, по-своему истолковав мое выражение лица, ласково погладила по плечу.

– Не переживай, уверена, ты со всем справишься. – Она хитро сверкнула глазами. – Пожалуй, только ты и справишься, – со смешком закончила мадам и сразу же бросила суровый взгляд на толпу парней. – Хватит курить, это не ваша последняя сигарета в жизни, входите уже! Сегодня экзамен, вы не забыли?

Парни как по команде закатили глаза и затушили окурки.

– Вы про этот экзамен говорите весь последний месяц. Забыть про него невозможно, даже если очень хочется, – буркнул один из них.

– Ну и отлично! Значит, ты подготовился, – с сарказмом сказала учительница и зашла в школу.

Hôtel de Chambon... Я смотрела, как улица пустеет и со звоном все ученики вваливаются в здание. *Hôtel de Chambon* – я не могла думать об экзамене по математике. Все мысли были заняты Тео. Звонок повторился. Последний сигнал перед закрытием главных ворот. Все, кто не успел, пройдут в соседнюю темно-зеленую дверь, чтобы заполнить бланк об опоздании. Я словно вросла в асфальт. Не могла заставить себя переступить порог школы.

– Идешь? – спросил Арно, мой одноклассник, который, запыхавшись, успел проскользнуть в двери.

Я молча покачала головой. Он удивленно приподнял брови.

– Ты правда странная, – равнодушно пожав плечами, сказал он и побежал в класс.

Я поправила ляжку сумки на плече и, резко развернувшись, пошла в противоположную от школы сторону. *Hôtel de Chambon* – я достала телефон и вбила название в «Гугле».

Страничка загрузилась, и я удивленно приподняла брови. Тео не жил в отеле – это был *hôtel particulier*¹⁷. В поисковике в первой строчке выскакивал сайт *gossip*¹⁸. Статья гласила:

Дьявол не просто носит «Прада» – он покупает особняки в Париже.

Знаете ли вы, где коротает свои вечера Теодор де Лагас? Нет, не в том доме, где была убита вся его семья (еще бы!). Тео переехал в особняк, расположенный по адресу 95 rue du Cherche-Midi в шестом округе Парижа.

Примечательно, что у этого дома своя история. Он был построен в 1805 году. А в 1813 году его выкупил барон Шамбон, который проживал здесь до 1833 года и дал особняку свое имя.

В 1994 году дом был куплен актером Жераром Депардье, который реконструировал его в течение десяти лет, а в 2012 году здание было выставлено на продажу после решения актера обосноваться в Бельгии. Цена составляла 50 миллионов евро. Особняк площадью 1800 м², с 20 комнатами, 10 из которых – спальни. В доме есть лифт, закрытый бассейн, домашний кинотеатр и огромный сад.

Перед отъездом за границу актер намеревался превратить его в роскошный отель. Но особняк выкупил Тео де Лагас. На момент покупки мальчишке было всего 19 лет. Близкие друзья де Лагаса утверждали, что парню надоело чрезмерное внимание прессы. Покупка особняка частично решала эту проблему, ведь, что творится за красивыми воротами, никто не знает. По слухам, в доме проходят закрытые вечеринки с жертвоприношениями самому дьяволу (бывшая уборщица находила тела животных).

Дальше я читать не стала. Подобных статей о причастности Тео к поклонению дьяволу я читалась, когда мне было 13 лет. После я поняла, что ради пиара, просмотров и комментариев некоторые издания придумают и не такое. Я вбила адрес в гугл-картах. Маршрут построился быстро. Мне нужно было доехать до станции метро «Дигос». Она находилась на той же десятой линии, что и моя «Sèvres-Babylone». До Тео надо проехать всего две станции. Кто бы мог подумать, что все это время он был так близко! Начался дождь, и я ускорила шаг. Капюшон толстовки быстро промок. Но я не чувствовала холода. В тот момент казалось, что я вовсе не в состоянии чувствовать. Эмоции были отключены, я собрала их в кулак и спрятала на дне сознания. Быстро спустилась в метро, проверила направление поезда и запрыгнула в него, как только он остановился. Я знала, что папа будет в курсе прогула. Понимала, что мадам Дебраз обязательно ему позвонит, чтобы узнать причину моего отсутствия и спросить, в порядке ли я. Я нервничала, не зная, как объяснить свой поступок. Но доехала до нужной станции слишком быстро. Не было времени на раздумья. Сердце колотилось в груди, и я тогда подумала, что, быть может, еще не поздно вернуться в школу? Сказать, что забыла пенал и побежала за ним домой? Или придумать что-то о внезапных месячных? Можно было все исправить, но двери поезда открылись... и я вышла на станции «Дигос». Я отлично умела обманывать окружающих и ненавидела врать самой себе. Я знала, что не хочу возвращаться в школу. Я хотела увидеть Тео. Именно с этими мыслями я спускалась вниз по boulevard de Montparnasse и, повернув направо, вышла на rue du Cherche-midi, а затем медленно подошла к его дому. Большие темно-зеленые ворота были заперты, черные кованые решетки по центру каждой двери сияли свежей краской. Я встала столбом и не знала, что делать дальше. Маленький домофон сбоку был выдеран вместе с проводами. Он свисал набекрень. Я постучала. Мой стук потонул в шуме проезжавшего мимо мотоцикла. Я постучала вновь, прекрасно осознавая, что никто меня не

¹⁷ Hôtel particulier (пер. с фр. – «богатый особняк») – городской частный дом, занимаемый одной семьей.

¹⁸ «Слух» (англ.).

услышит. Нождаданно ворота начали открываться. Черный лакированный «порше» медленно выезжал, и я отодвинулась, давая водителю место проехать. К моему большому удивлению, автомобиль остановился прямо передо мной, и водитель опустил окно. Зеленые глаза цвета свежего луга внимательно всмотрелись в мои.

– Ты, должно быть, Беренис, – сказал он и вышел из машины.

Высокий, статный, в черном костюме, кристально-белая рубашка оттеняла загорелую кожу. Темные волосы слегка вились. Одним резким движением он убрал челку с глаз. На пальцах поблескивали несколько перстней. Я видела его впервые в жизни.

– Мы разве знакомы? – прищутив глаза, спросила я.

На красивом мужском лице появилась обаятельная улыбка.

– Ты сестра Клэр.

В ответ на мой недоуменный взгляд он сразу же добавил:

– Вы похожи. Я Аарон, мы с ней друзья.

Я пожала плечами и отвернулась, его изучающий взгляд заставлял меня нервничать.

– Твою сестру уже забрали, – тихо сказал Аарон, и его голос был пропитан сожалением. – Ты вся промокла, могу отвезти тебя домой. Ты хотела с ней попрощаться?

– Я пришла к Тео, – коротко ответила я, и он не смог скрыть удивление.

– К Тео?

– Он дома?

Аарон, нахмурившись, кивнул:

– Да, он у себя. Но сомневаюсь, что у него сейчас есть желание встречать гостей.

Я мило улыбнулась:

– Тогда хорошо, что я не гость. – Я сделала шаг в сторону дома, но Аарон аккуратно поймал меня за локоть.

– Сейчас не совсем удачный момент.

– В жизни не существует понятия «удачный момент».

Он посмотрел на меня сверху вниз и слегка усмехнулся.

– Ты забавная, сколько тебе? Пятнадцать?

Я закатила глаза.

– Семь с половиной, – резко вырвала руку из его хватки и, повернувшись к нему спиной, продолжила свой путь.

– Только не кори себя потом. Я предупреждал! – крикнул он мне вдогонку, и я услышала, как он садится в машину и заводит двигатель.

Я шла по выложенной брусчаткой дороге. Вокруг царил тишина. Во дворе росли огромные деревья, которые стояли абсолютно голыми, упираясь верхушками в серые парижские тучи. Входная дверь особняка была открыта, я прошла внутрь и оказалась в просторном холле.

– Тео, – неуверенно позвала я.

Запах гари стоял невыносимый, все окна были распахнуты. В доме хозяйничал сквозняк. Он колыхал белоснежные занавески. Они взлетали и опускались, словно под музыку. Я спрянула нос в ворот толстовки и огляделась. Пространство, в котором не было почти ничего, кроме стен. Я тихо ступала по темно-коричневому паркету. Мебели почти не было. По центру комнаты стоял большой черный кожаный диван, напротив него в стену был встроен телевизор, а под ним валялась приставка. Я прошла в другую комнату. Там на полу стояло большое зеркало в инкрустированной золотом рамке, напротив белый диван, за ним огромная библиотека.

– Тео, – позвала я громче.

Из-за запаха в горле пересохло, и голос охрип. Но я продолжала идти дальше. Заглянула в просторную кухню. Чайник был не на месте, от него шел пар, рядом стояли маленькие кухонные весы. Но Тео нигде не было видно. Я прошла по коридору вниз. Вонь становилась сильнее. Гарь вперемешку с резким запахом краски. Глаза заслезились. Я толкнула

белую деревянную дверь, и мне в лицо ударили пар и влага. Это была художественная студия. С огромными окнами, сквозь которые падал тусклый свет улицы. Занавески наполовину сгорели. Черная кривая волна шла по центру, намекая, куда именно добрались языки пламени. Паркет местами был покрыт угольной копотью. По белоснежным стенам вились черные следы, оставшиеся от огня. Прямо по центру валялись обугленные мокрые полотна. Рядом с ними что-то похожее на мольберт. Я подошла ближе к картинам. Мне хотелось узнать, что именно так разозлило Клэр. Что она пыталась сжечь. Но холст был угольно-черным. Я не смогла разобрать ни силуэта, ни намек на то, что могло быть изображено на нем. Я покрылась мурашками от страха, а по телу прошел озноб. Находиться в этом месте было страшно. Я резко развернулась, чтобы выйти из комнаты, как вдруг моему взору открылась надпись, сделанная черной краской: «Гори в аду!» Она написала ее рукой. Следы ее пальцев отпечатались на стене.словно ошпаренная, я выбежала из студии, не закрыв за собой дверь. Все тело сотрясала крупная дрожь. Я взбежала по крутой деревянной лестнице наверх.

– Тео! – крикнула я.

Но ответа не последовало. Я прошла в ближайшую комнату и оказалась в его спальне. Большая кровать с черными простынями стояла посередине комнаты. В другом конце стоял стол из темного дерева. Огромные окна были настежь распахнуты, и мне в лицо ударил прохладный ветер. На столе дымилась кружка. Я наконец осознала, насколько окоченела в мокрых вещах. Я взяла в руки чашку и сделала глоток. Это был чай, немного резкий, с горьковатым запахом. Пальцы сводило судорогой, и они болели от резкой смены температуры. Я сделала глоток, горячая жидкость приятно обожгла, согревая. На вкус непривычно, но я так окоченела, что не придавала этому значения.

Я вышла из комнаты с чаем в руках. Двинулась дальше по коридору. За одной дверью послышался звук льющейся воды. «Он, должно быть, принимает душ», – пронеслось у меня в голове. Я прошла вперед и оказалась в третьем по счету зале. Этот отличался от остальных. Там повсюду висели картины. словно маленькая картинная галерея, а не комната в доме. Чаще всего встречались пейзажи моря. Бушующая стихия сменялась более умиротворенной. Закаты и рассветы. Я залюбовалась красотами природы. Села на кресло перед огромным полотном, на котором было изображено звездное небо и блики жемчужной луны, отражающиеся в водной глади озера. Она гипнотизировала. Я допила чай, но все еще продолжала греть о чашку руки. Все тело покрылось мурашками при взгляде на это творение...

Я не знала ни кто автор, ни какое именно озеро изображено. Но что-то в этой композиции цепляло меня, заставляло петь струны моей души. Спокойствие, умиротворенность вперемишку с темной, тихой, пугающей ночью. Такими ночами ты не знаешь, что ждет за углом. Такими ночами кажется, словно весь мир погиб и осталась лишь ты. В какой-то момент у меня немного свело желудок, но я не обратила на это внимания. Я продолжала погружаться в темную безлюдную ночь. В тишину, покой и смерть. В сияние звезд, такое далекое и холодное. Было ощущение, что время остановилось. Весь мир застыл. Я довольно долго разглядывала это полотно. Блики луны, мерцание звезд, тени на волнах. Все раскрывалось передо мной, передавая эмоции, чувства и скрытый смысл. Внезапно за спиной послышалось грубое:

– Ты кто?

Я подскочила на месте, еле удерживая кружку в руках. Спешно повернув голову, встретила злобный и неприветливый взгляд голубых глаз. Он выглядел таким пугающим, что я сделала неуверенный шаг назад, увеличивая расстояние между нами.

– Ниса... – С его лица пропало напряжение, и проступило удивление. – Что ты тут делаешь?

С темных мокрых волос падали капли. Он был в черной кофте с длинными рукавами – она подчеркивала каждую мышцу его тела. На шее сбоку выделялись крупные красные царапины.

– Это сделала она? – сипло спросила я, голова закружилась.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.